



ЖОРЖ СТАРКОВ

СПИЧРАЙТЕР

ИСПОВЕДЬ...

Жорж Старков

Спичрайтер. исповедь...

«Издательские решения»

Старков Ж.

Спичрайтер. исповедь... / Ж. Старков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831092-8

«Все думают, что мир меняют короли, вожди, президенты... Как бы не так! Мир меняют психи, вроде меня...» — таково жизненное кредо Ивана Дзюбы — спичрайтера нового президента. Мастер слова и игры на человеческих инстинктах, наитончайших струнах арфы дремучего подсознания. Президент в его играх с человеческими желаниями — первая и самая главная фигура. Но в определённый момент спичрайтер понимает, что он далеко не единственный и далеко не лучший игрок в отнюдь не единственной игре...

ISBN 978-5-44-831092-8

© Старков Ж.
© Издательские решения

Содержание

Читателю	6
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Спичрайтер
исповедь...
Жорж Старков**

© Жорж Старков, 2016

ISBN 978-5-4483-1092-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателю

Иногда мне кажется, что я сплю. И мой отец спит. И его отец, тоже, спал... И все мы видим один и тот же сон. Как уже многие десятилетия, нас – людей, делят по цвету кожи, расе, языку, традициям, менталитету, социальному и экономическому статусу... Последнее уже давно стало главным. Никому не важно, кто ты. Важно стало только то, что у тебя есть и чего нет... И речь не о духовном, а исключительно материальном багаже. Мы перестали воспринимать друг друга как братьев, даже внутри одной страны. Да что там страны! В одной компании друзей детства, некогда равные во всём, спустя годы смотрят на ближнего свысока или исподлобья. Мы стали забывать о том, что в нас гораздо больше схожего, чем различного. И это разделение культивируется на самом высоком уровне – уровне мирового правительства.

Я никогда не был приверженцем теорий заговоров, считал всё это чудачеством. Однако, раз за разом, смотря на то, во что превращается наш Мир, мне просто не верилось, что это мы сами довели его до такого состояния. Богом стал банковский счет, Олимпом – гипермаркет, главной ценностью и целью всей жизни – деньги. Я не верил в заговоры, пока не стал задумываться о том, чего нас лишает современное общество и государство, давно переставшее выполнять свою основную функцию.

Этот роман о человеке, который смог понять, что это всего лишь сон, которым можно управлять. Что, находясь внутри системы можно пройти через её жернова, превозмочь желание заковать своё мировоззрение «правильными рамками». О человеке, который сумел поступить так, как того требовала совесть, в самый неудобный для этого момент. Мой герой – псих, человек не совсем нормальный, в нынешнем понимании индивида, находящегося в социуме. И я искренне надеюсь, что однажды такой псих появится ещё и в реальном, а не только вымышленном Мире.

Примечание автора: Все персонажи и события вымышленные, любые совпадения – не более чем случайность.

Пролог

– Здравствуйте! То, что должен был сказать вам президент, могу сказать и я. Вот! – поднял я над головой планшет. – Вот здесь те слова, которые Марк Титов собирался прочесть с этого самого места... Точнее, хотел, чтобы все думали, что собирался... Я написал эти строки, потому что это моя работа. Я могу отправить данный текст на электронку каждому, если хотите. Могу просто прочесть вслух от корки до корки. Но, я не хочу... Сегодня я хочу рассказать вам о другом...

Все думают, что Мир меняют короли, вожди, президенты... Многие думают – они строят его вокруг себя, руководствуясь своими моральными принципами, своим пониманием жизни и миропорядка, своим ощущением справедливости. Кто-то думает, что ориентиры другие – алчность, похоть, жажда всепоглощающего и всеохватывающего контроля, жажда мщения, жажда доказать кому-либо, а может и самим себе, что они достойны... Достойны своего положения, любви или страха, благоговения окружающих их смертных, чёрт его знает чего ещё. Все думают по-разному. Да, плевать, что все думают...

Я точно знаю, что движет каждым из них, каждым из нас. Это мысли. Они рождаются внутри наших черепушек и начинают раскручиваться, превращаясь в смерч, который уносит нас куда-то далеко далеко. Туда, где желаемое так же осязаемо, как стакан дешевой водки в руке, как шприц с дезоморфином, только за один вечер покусавший вены дюжине будущих защитников Родины. Где всё это так же реально, как и любое топливо, что ускоряет полет, взимая ту же плату, что мифический паромщик через Стикс. Сначала мысль – лишь легкий ветерок. Мы даже не замечаем её – так, что-то мелькнуло на горизонте. Потом она приходит уже ненавязчивым бризом и мы пропускаем её через себя, опять же, принимая, как что-то мимолетное. Иногда мысль улетучивается. А иногда превращается в желание. Вот тогда-то и начинается игра.

Желания страшнее всего в этом мире. Лесть, месть, похоть, алчность... коррупция, убийства, изнасилования, воровство... Можно перечислить все пороки и все грехи, исток у них один – это желания. Геноцид наций, сброс ядерных бомб, войны – всё это происходит не просто так, этого кто-то захотел, кто-то возжелал. Желание – это самое опасное оружие. Целеустремленного человека могут не остановить сотни стен и кордонов. Бывает, человек желает чего-то настолько сильно, что сам воздух плавится от его ауры, а враги расступаются в стороны, потому как понимают – сильнее его желания, только их желание жить. Но даже эта аксиома может быть сомнительна.

Однако, есть оговорки. Пути целеустремленных людей могут пересекаться и даже иметь встречное движение. Тогда кто-то сходит с дистанции. Потому, идти вперед к своей цели с открытым забралом бывает опасно. Так, почему бы не проложить себе путь жизнями людей с горящими сердцами? Они пробивают головой стены, втаптывают в грязь вставших на пути, рушат вражеские бастионы и иногда гибнут. Место остается свободным. И на это место обязательно встанет другой. Ведь это так заманчиво – светлая идея. Что-то настолько прекрасное, что-то, что можно сравнить с лучом света в этом царстве дерьма и порока, глупости и жадности, предательства и позора – в нашем настоящем планеты Земля. И вы будете верить, что кладете свою жизнь на алтарь праведности. Будете счастливы от осознания того, что вы белый рыцарь, шит и меч праведности, мученик этого Мира. Вы будете уверены, что поступаете абсолютно правильно и никак иначе просто нельзя. Хотя, конечно, можно. Но это будет недостойно, мерзко, не по-людски. Вы так не сможете. Не сможете переломить своё естество, свою внутреннюю структуру, матрицу духовных и морально-нравственных постулатов, из которых соткан

человек, если он, конечно, человек с большой буквы. Они и есть вы – одно целое, монолит, неразрывный знак бесконечности.

Но, кто даст гарантию, что вы это именно вы? Что вас не сделал кто-то другой во имя исполнения своего замысла? Не слепил, будто глиняную фигурку. Вас и миллиарды других? А с чего начинается сама мысль? Возникает сама по себе? Как дождь или ветер? Но, ведь у них тоже есть свои истоки и причины. Ничего не бывает просто так, ничего не возникает ниоткуда.

Так же и с тем, что ежеминутно рождает наш разум. Иногда легко и непринужденно, иногда в муках. Отхлебнув из любимой чашки крепкий кофе, мы приходим к тому, что неплохо было бы добавить сахара или молока. Так будет вкуснее. Но с чего мы взяли, что вкуснее именно так, а не, к примеру, добавив лимонного сока? Почему, большинство из нас считает, что это «популярная правда» – это истина в последней инстанции? Да просто потому, что так принято. Лимонный сок в кофе – дикость. Не так как у всех считается неприличным.

Мы проезжаем на машинах пятьсот метров, которые вполне способны пройти пешком. Ведь пешеходы это те, кто не может позволить себе авто, а ты можешь. Так зачем уподобляться представителям экономического подвала? Неприлично... Точно так же, как и есть макароны за «три копейки» вместо спагетти за пятьдесят евро, звонить со старенькой «Нокии» вместо «Айфона», ездить на загородную речку вместо побережья Испании или Бразилии. Неприлично всё, что не соответствует статусу. Нас всех поделили на касты и категории ещё в древности. Человечество, как слоистый коктейль. Абсент, Самбука, ананасовый сок, лаймовый сироп, кокосовый крем, энергетик. Нам никогда не дадут смешать компоненты. Ведь так будет невкусно... Невкусно тем, кто управляет нашими желаниями.

Объять необъятное невозможно. Но если его раздробить – каждый кусок в отдельности вполне может поместиться в продовольственную сумку. Сумки растащат по разным углам и там объяснят содержимому, как нужно жить, на что ровняться, кого любить и ненавидеть, как и сколько пить, где и с кем спать, что есть, чем после еды чистить зубы... Инструкции будут на все случаи жизни. Ведь, важно не только на что и где вы тратите свои деньги – это примитивно. Важно, как и о чём вы думаете. И почти каждую мысль, точнее, её зародыш, подсаживают в наши головы. А потом обильно поливают информацией, чтобы она родилась уже на вашей, только вашей, благодатной почве. Чтобы не возникало сомнений. Чтобы каждый сказал: «Это я так думаю».

А кто даст гарантию, что мистический кукловод, который слепил наше мирознание из потребительского дерьма и зеленых фантиков, тоже не является чьей-то куклой? Думаете это бред? Я вас умоляю... Может да, может нет... На эти вопросы прямых ответов никогда и никто не даст. По крайней мере, честных. Но есть выход – пустить себе пулю в башку! Ведь нормальный человек, начав задавать себе миллион простых вопросов, никогда не возникавших ранее, не сможет встречать каждый новый рассвет с осознанием того, что не найдет ответов. Или найдет и поймет, что всё ради чего жил – всего лишь часть чьей-то хитроумной головоломки-конструктора, невыносимой нормальному человеку.

Есть еще один выход, но он для психов. Принять как данность, что ты всего лишь частица. Не станет тебя – замысел не пострадает. Не станет миллиарда таких же частиц – тогда невидимка может и задумается. Но психи тоже хотят жить, потому не станут уходить из жизни только из-за того, что не смогли ответить на свой же вопрос. Нет ответа – и Бог с ним. Он всё знает... Придет время – поделится. А пока, зачем терзать свои нейроны ненужной суетой. Достаточно принять правила игры и успокоится. Или начать играть самому. И совсем не обязательно убиваться тем, что ты пешка. Ведь, даже пешка может стать ферзем, а после расставить свои микро-фигуры, на собственной мини-доске. Более того, пешка может выиграть партию. Потом еще одну, потом еще. Почему нет?

А может попробовать выиграть целый турнир? Вдруг получится? И на что бывшая пешка пустит призовой фонд? Может, на бухло и шлюх... А может на бомбу, чтобы взорвать самих организаторов выигранного ею турнира...

Все думают, что Мир меняют короли, вожди, президенты... Как бы не так! Мир меняют психи, вроде меня...

Но для того, чтобы начать игру нужно принять участие в турнире. И я уже прошёл регистрацию. Вот он, игровой зал – этот зал. Вот он этот игровой стол, за которым сейчас одни из самых влиятельных людей восточной половины земного шара. За невинным на первый взгляд приемом пищи, каждый жест и взгляд – это очередной ход. Попасть на такой ужин мечтают, невероятное, все в этом мире, но получается только у самых лучших притворщиков.

Вот глава межконтинентальной корпорации наливает в бокал минеральную воду без газа, всеми силами пытаясь скрыть, что он до чертиков хочет заполнить его двадцатилетним коньяком и осушить в два глотка. Потом взять с собой в президентский люкс еще одну бутылку, кожаную плетку и двух семнадцатилетних шлюх, час внимания которых стоит, как год обучения в МГУ.

А вот министр энергетики. Вяло ковыряет салат стараясь показать, что это именно та трапеза о которой он мечтал, а вовсе не о сочном стейке под пару-тройку бутылочек темного «Гиннеса».

Вот зарубежные гости с востока – те, кто решает, сколько завтра будет стоить их согражданам литр бензина и кубометр газа. Они тоже хотят быть на общей волне, хотят показать, что им приятно это общество, приятна компания таких умных и вежливых людей. Показать, что им вовсе не наплевать на застольные речи хозяев, сам этот стол, этот зал! Что они вовсе не хотят побыстрее свалить из этой холодной страны и засунуть свои головы обратно в раскаленный песок. Гости так хотят показать, что они приехали не только из-за выгодного контракта, а еще и то, что они друзья, которые будут рядом и в горе и в радости.

Все как один здесь – редкостные выродки, для которых единственные истинные Боги – деньги и власть. Только, пожалуй, парень в углу не такой, другой. Он тоже понимает, что это выродки и ублюдки. Туфли каждого из них стоят больше, чем нужно было на операцию для его двадцатисемилетней жены. Теперь он вдовец, а их обувь, которая прилетела спецрейсом из Италии всего две недели назад, уже на помойке. Думаю, у нас бы нашлись общие темы для разговора. Но он ненавидит их, а вместе с ними и меня. Ведь я тоже за этим столом.

Это почетно, это элитно, это круто, и это до безобразия отвратительно. Все здесь носят маски. Так принято. Никому не интересно кто ты на самом деле. Ты можешь быть добряком и весельчаком, любителем погулять с собакой и покататься на детских каруселях. Можешь любить плескаться в мелкой речушке с пятилетней дочуркой. Можешь быть заядлым охотником или рыбаком – любителем потравить байки у костра под уху и бутылку дешёвой водки. Ты можешь быть хорошим человеком, только это никому не нужно. Здесь нужно не быть, а казаться. Казаться таким, каким тебя ожидают увидеть – неприступным, холодным, жестким, но когда нужно, то гибким, если аргументы будут весомыми.

Все ожидают видеть перед собой мразь. Именно под работу с мразью лучше всего заточен большой бизнес и большая политика. Добрый человек проиграет. Ведь его добротой воспользуются те, у кого есть цель. Средства достижения? Да кто вообще в таких кругах задумывается о средствах? Мораль, что это? Совесть, не слышали... И, самое главное, что других людей в таких залах нет. Были, но уже стали такими же, как и мои соседи за этим столом. Большинство из них с детства жестокие и бесчеловечные ублюдки, меньшинство надело маски. Но за годы маски срослись сначала с кожей, потом с костями – стали новым естеством, броней которую пробьет лишь большая сволочь, чем обладатель невидимых доспехов.

Через пять человек по левую руку, во главе стола – президент. Быть рядом – это почетно. Мне повезло? Как-бы не так. Это не везение. Я, как никто другой, достоин здесь быть. Ведь самую главную маску – маску председателя серого пира я сделал собственными руками.

Я вылепил её из своих идей, как китайский гончарного дела мастер создает сосуд, из которого будут пить чай члены императорской семьи. С любовью, вкладывая душу, придавая нужную форму, а потом аккуратно, но четко нанося замысловатый узор. Это то, что могут увидеть. Увидеть далеко не многие. Но вот, что способны заметить лишь единицы – так это то, что я создал не просто маску. Я создал нового человека, новый образ мысли, новое сплетение идей, чувств, эмоций, взглядов, привязанностей, антипатий. Я сотворил новую личность. Как Виктор Франкенштейн сшил из кусков множества тел нечто единое и вдохнул в это жизнь. Но, в отличие от президента, создание знало, кто его Отец. Он – нет. И это хорошо. Президент думает, что он стал таким, каков есть, просто потому что стал. Жизнь вылепила... Потрепала, научила, отсекала всё ненужное. Таким его любят и ценят. Но я-то знаю, что таким его сделал я – псих и, по совместительству, спичрайтер Иван Дзюба.

Если вы думаете, что спичрайтер это тот, кто пишет красивые речи для публичных выступлений, то вы попадете в точку в 99% случаев из ста. Ведь большинство людей – психически здоровые, в привычном понимании. У таких как я есть отклонения. Мы мыслим по-другому. Не лучше, не хуже, но по-другому – шире, со сдвигом на один из полюсов. А потому, я писал не просто речи, а мысли. Мысли, которые были просты, и понятны, которые могли бы прижиться в человеческой голове, не были бы отторгнутыми.

Мудрость, простота, благо – три основы. Если в уравнении есть эти элементы, при правильной расстановке дополнительных не обязательных компонентов, таких как лирика, весомые аргументы, исторические примеры – речь может стать прародительницей идеи. Как будто ваш мозг в очередной раз поимели, но в этот раз резина оказалась непрочной, и семя дало всходы. Я всегда стараюсь трахать мозги без контрацептивов. Потому за семь лет работы в Государственной Думе я сумел научить людей верить и сомневаться, сожалеть и ненавидеть, быть дипломатичными или непреклонными, но только в тот момент, когда это было нужно... нужно мне.

Глава самого богатого государства – не исключение. Когда десятки миллионов отдавали за него свои голоса – они голосовали за то, что он говорит. То есть, за то, что говорю я. Но выборы не были самой целью. За эти годы сначала кандидат, потом президент, начал верить в то, что он говорит. Люди полюбили фантом, созданный мной и, отчасти, командой других пиарщиков. Он – президент, тоже полюбил его. Полюбил настолько, что насадил на эфемерный скелет свою плоть, слился с ним. И вот у народа уже не фантом человека, за который в урну опускают бюллетень, а сам человек.

Это было просто. Ведь поверить в то, что ты мудр, справедлив, многогранен и всепонимающ, настоящий отец нации – очень заманчиво. А, почему нет? Если все считают тебя достойным лидером, отчего им не стать на самом деле? И Марк стал. Стал тем, за кем пошли люди, кому поверили... Поверили в то, что их пастырь не просто грамотный и амбициозный политик, но и, как бы это в нынешнее время глупо не звучало, порядочный человек. Поверили, потому что это стало правдой.

Информационное пространство, которое я создал вокруг будущего президента, спрессовало биомассу, которой он был в справедливого, уверенного в себе лидера. Плюс его идеи... То есть, мои идеи. Не напрямую... Через слухи и утечки, через советы друзей, знакомых, через моделируемые мной моральные потрясения я сформировал образ его мышления, выстрогал своего Пиноккио из самого настоящего, бесформенного палена.

Когда я попал в команду одного из депутатов Государственной Думы, то сразу понял – Марк тот человек, который станет моим ферзём. Тогда он был всего лишь помощником парламентария, но ставку я сделал именно на него. Не потому, что он блистал талантами, нет.

Потому, что он был никакой. В меру амбициозный, в меру сдержанный. Достаточно щедрый и, вместе с тем, как и все, алчный. Закрытый, но способный за бокалом виски выплеснуть на липкую барную стойку всё дерьмо, что накопилось в душе за долгие годы. Он был для меня как чистый лист, как холст, на котором можно писать всё, что хочется, всё что необходимо. Как персонаж компьютерной игры, данные которого по умолчанию ниже среднего. Но любой из навыков можно прокачать. Жестокость и сострадание, зависть и злость, любовь к близким и ненависть к далеким. Нужен только экспириенс – жизненный опыт, который сделает моего главного героя чуть жестче, чуть решительнее, чуть умнее. Но лишь настолько, чтобы мой игровой персонаж не вышел из под контроля, не оборвал тончайшие нити, которые и так, множество властных и алчных ублюдков, пытались грубо перерезать тупым садовым секатором. Но мои нити слишком тонки, они проходят меж лезвий. И почти никто не знает, к чьим рукам они ведут. Даже если кто-то об этом скажет, то самоуверенные снобы просто не поверят. Ведь они слишком самоуверенны и слишком снобы.

Иван Дзюба. Спичрайтер. Бульварный писака. Никто. Серый, безликий лох. Да, они будут правы и находится в абсолютном заблуждении одновременно. Они думают, я пишу речи – да. Но ещё я пишу им их же мысли, а после делаю так, чтобы сам мир отовсюду подсказывал, что именно эти мысли и есть те идеи, которые давно зрели в их собственных головах. У меня нет силы и власти. Официально – бесспорно. Зато у них есть. Для меня этого достаточно. Я – лишь один из толпы, вечно снующих туда-сюда по кабинетам, помощников сильных Мира сего. Они опять попадут в десятку. И это хорошо. Хорошо, что они так думают. Ведь это то, чего я добивался несколько лет – безликости, незаметности.

То, что говорю я, говорит какой-то среднестатистический человек. Никто не запомнит, кто навел на ту или иную мысль – это и есть мой триумф, мое главное достижение – внушать людям, что главную цель в своей жизни они нашли сами. Это долгий и кропотливый труд. Это великий риск. Это одна большая авантюра длиною в жизнь. Но, если звезды благосклонны и удастся в нужное время собрать воедино все элементы всех мозаик, из которых складывается твоя личная дорога в «изумрудный город», то остается лишь пустить вперёд себя игрушечные паровозики по игрушечной железной дороге и любуясь идти следом.

Какие-то вагоны и локомотивы неизменно сойдут с рельс. Ну что ж, «се ля ви», как говорят французы. За гробом выстроится внушительная траурная колонна, прозвучат фальшивые речи о том, какого «хорошего человека» не стало. О том, что смерть забирает лучших и прочая шаблонная белиберда. Всего лишь техническая остановка. После составы двинутся дальше, а какие-то и вовсе останавливаться не будут.

Моим флагманом игрушечной эскадры в настоящем море стал Марк – ни рыба ни мясо, из которого я сделал настоящего льва. Он прыгал через горячие обручи, повергал в страх громоподобным рыком, был царем зверей... Но, в конце номера аплодисменты срывает не большая кошка, а дрессировщик. До поры до времени на него не обращают особого внимания. Взгляды прикованы к хищнику. Однако, когда человек засовывает голову в пасть к зверю, все болеют за него как за хоккейную сборную на Олимпиаде. Номер удался. Все живы. Но восторгаются уже не грозным властителем саванн, а отважным служителем арены, который рискует жизнью ради них – зрителей. Чтобы взрослые вспомнили, а дети узнали – силен не тот, кто способен убить, а тот, у кого хватает духу наступить на горло своему страху, зная, что это может стать прощанием с белым светом.

Но кое-что остается по ту сторону занавеса. Дрессировщик воспитывал львенка, как собственное дитя. Да, львенок вырос в страшного зверя. Но, если воспитатель достаточно хорош, даже хищник, для коего все вокруг – лишь мешки с мясом и костями, никогда его не тронет. Ведь, он не угроза, а еда и так достаточно. Вы думаете, эта схема работает только в цирке? Как бы не так... По крайней мере, я так думал и думал еще совсем недавно.

Глава 1

3 января

Люблю метро. Особенно часы, что развешаны в великом множестве в этом муравейнике железнодорожных путей и людских потоков. Часы выводят меня из этого микромира в мир макрокатегорий. Они, не лишний, а очередной раз, напоминают мне о сути людской вселенной, об устройстве нашей человеческой жизни. Даже округлая форма под стать планете. Циферблат с его разметкой – рассекающие её меридианы. Стрелки – вращение и ход времени. Устройство, в общем, как и планета, кому-то или чему-то служит. Чего уж говорить о людях.

Каждый из нас как шестеренка. Каждый служит для какой-то цели. Каждый на пути к этой цели выполняет определенную последовательность действий. Все мы, как и шестерни, крутимся, заставляем крутиться других. Всё для того, чтобы механизм, ход которого кому-то нужен, не стоял на месте. Шестерни в часах вращаются, благодаря механической или электрической энергии. Пружина, батарейка – не важно. Так и каждый из нас. Чтобы мы вращались, нам нужна энергия. Наш аккумулятор – удовлетворение потребностей и реализация желаний. Накорми здорового мужика тарелкой пшенной каши, дай запить слабеньким, сладким чаем, приготовленным из двухрублевого пакетика и этого заряда хватит на полдня. За это время можно вскопать пять соток земли или выложить кладку в пятьсот кирпичей. Потом подзарядка, отдых, снова подзарядка и снова можно перепаживать поля, сеять или собирать урожай, строить дома, рыть колодцы, кто на что способен. Для того, чтобы иметь достаточно сил на работу, даже тяжелую, многого не нужно. Но, если процесс повторяется из дня в день, у человека, существа разумного и временами не лишённого фантазии и просветлений, может сложиться ощущение что он тот, кем является на самом деле – всего лишь шестеренка. И то, что она каждый день вращается кому-то нужно больше, чем ей самой. Тогда у шестеренки может возникнуть мысль – не лучше ли вращаться вокруг своей оси, но в другую сторону или вовсе впасть в состояние покоя? И для того, чтобы такие мысли не возникали, для шестеренок есть дополнительные стимулы. Очень простые, но вместе с тем, гениально-хитрые.

Для вращения нужна энергия. Но это железякам всё равно какая. У нас для неё придумали целую иерархию. Есть бичёвская, нищесбродская, непрезентабельная – то есть дешёвая, которую может позволить себе почти каждый. А есть гламурная – та, что делает тебя круче в глазах окружающих, поднимает самооценку, вызывает уважение.

Наша энергия – это пища, что в нашем мире стала настоящим культом. Для того, чтобы поддерживать здоровье и силу, человеку нужен определенный набор – витамины, микроэлементы и так далее. Но, как только человек научился не просто выживать, а еще и получать удовольствие, на первое место вышло не содержание, а форма. Получить в обеденный перерыв свой заряд от отваренных дома макарон, вприкуску с ломтиком сала и свежим помидором – не престижно. Нужно собрать компанию коллег-снобов и организовать поход в близлежащий ресторанчик. Необходим ритуал. Брезгливо полистать меню, с недовольным видом заказать что-нибудь поэкзотичнее. Затем, ковыряя вилкой произведение повара, который с семи утра снует меж заготовками и кастрюлями и кормит вечно недовольных «серых пиджачков», рассуждать о заморской кулинарии. О том, что итальянцы и французы знают в ней толк, а вот родная кухня скупа и убога.

И это то, что движет шестеренки. Желание получить, что-то задорого. Точнее показать – у тебя есть для этого все возможности. Ты можешь позволить себе устриц, так зачем есть курятину? Какой еще «кирпичик», ведь французы придумали замечательный багет... И так со всем остальным – машинами, жильем, женщинами. Быть транжирами стало престижно. Но, для того чтобы транжирить, нужно для начала это иметь. А иметь, можно, только если энергично кру-

титься в нужную сторону. Нехитрая, но самая действенная ловушка. Перед носом висит потребительская морковка, на веревочке, сотканной из понтов. И мы бежим, разгоняя ленту беговой дорожки. Потом, съедаем желанный оранжевый овощ и у нас есть энергия, чтобы бежать к следующей морковке. Все мы, как ослы, а значит – мы хорошие шестеренки. Мы будем продолжать крутиться, пока не придет время ревизии механизма и смены износившихся деталей.

Мы – не больше, чем просто шаблонные штамповки, для поддержания жизнедеятельности глобального механизма. Но кто сказал, что деталь не может иметь второго назначения? Например, стать частью другого агрегата? Как раз такую я рассчитывал увидеть снова. Почти каждый день я спускался в метро на Белорусской, проезжал по зеленой ветке до Тверской, чтобы перейти на ветку, модного нынче, фиолетового цвета. И вот тут-то, на Пушкинской, я встречался с моим знакомым в 8 случаях из 10. Ну, как знакомым... Знакомым мне. Мой друг даже не знал, что я у него есть. Наблюдатель, попутчик, как правильно назвать, не знаю. Наверное, никак. Я не был ему никем и, вместе с тем, наши судьбы оставались связаны, до определенного момента.

Интересующую меня деталь звали Олегом. Он был художником. Но, в первую очередь для меня, он был пьяницей. Да он и сейчас таков. Но тогда это было именно тем фактором, который привлёк мое внимание. Заходя в вагон в подпитии, он, как правило, начинал приставать к пассажирам, пытаться беседовать, как на высокодуховные, так и вполне земные, социальные темы. Но, чаще всего ему давали понять, что разговор интересен только его инициатору, Олег расстраивался. А расстраиваясь, превращался, ну как бы это помягче... в варвара. Он начинал высказывать всем, что о них думает, причем, в весьма изощренной и, зачастую, нецензурной форме, размахивать руками и так далее. Один раз дело дошло даже до полиции... Одной, симпатичной, молоденькой и, судя по всему, воспитанной дамочке показались оскорбительными ухаживания, нарисовавшегося кавалера, который, даже после весьма доходчивой и не двусмысленной просьбы «оставить её в покое», не бросил притязаний на сердце прекрасной незнакомки. В итоге, звонок машинисту, через станцию – полиция, два удара резиновой дубинкой, наручники, отделение. Но, ни этот, ни другие подобные случаи, судя по всему, впрямь художнику шли не особо.

По вечерам, иногда даже с утра, Олег находился в приподнятом настроении, посредством трехсот пятидесяти граммов, а то и полулитра дешевого коньяка, точнее, коньячного напитка. Ибо, на настоящий коньяк у творческого человека денег, как правило, не было. Работы его кисти продавались редко, рисованные афиши в кинотеатрах уже давно заменила полиграфия, а подработками иного плана Олег Борисович Тоцкий своих рук принципиально не осквернял. Жил, точнее ночевал, мой, в одностороннем порядке товарищ, у прелестной барышни по имени Евгения. Она была сотрудницей Музея Маяковского и по совместительству непризнанной поэтессой. Жила избранница Олега на Большой Бронной, недалеко от Театра имени Пушкина. Когда художник приходил вечерами к поэтессе, будучи во вменяемом состоянии, они часто садились за стол у окна, разливали по стеклянным рюмкам-сапожкам портвейн. Она читала ему свои стихи, он в ответ декларировал Бродского и Пастернака. Затем они, либо удалялись в опочивальню, либо ругались на чем свет стоит, с криками, присущей итальянцам жестикуляцией и слезами одинокой, несмотря на вроде бы постоянного спутника, дамы средних лет.

Обо всем этом я узнал далеко не за один день. Когда я увидел Олега в метро впервые – просто задержал взгляд чуть дольше, чем на других. Потом меня позабавил его монолог, который он считал вполне содержательной беседой с пожилым джентльменом в аккуратном сером костюме. Затем развеселила выходка с эффектной студенткой, которая, как и многие другие представительницы прекрасного пола, не оценила скоротечных ухаживаний и пригрозила полицией и братом-спецназовцем. В ответ художник обложил юную деву так, что даже сто-

явшая неподалеку многодетная мамаша, пусть несколько запоздало, но всё же, настоятельно попросила своих чад заткнуть уши.

В течение следующего месяца после знакомства с эксцентричным творцом, я видел его ещё 22 раза. Каждый из них, в промежутки с семи до восьми утра, когда пересаживался с зелёной на фиолетовую ветку. Мой путь пролегал до станции Китай-Город. Его же, заканчивался в Кузьминках. Как я выяснил позже, там находилась художественная мастерская, если данное помещение можно было так назвать. Специализированного рабочего места союз художников Олегу не выделил. Потому, обитель творчества он организовал на пару с товарищем, сняв полуподвальчик в одной из стареньких пятиэтажек. Ездил туда он почти каждый день, но писал далеко не всегда. То ли вдохновение не посещало, то ли самогон, которым за сносную закуску щедро делился местный дворник, прельщал художника куда больше, чем производство прекрасного и вечного.

Тем более, что периодически в мастерскую заходил хозяин помещения, в надежде выяснить – творцы просто, в очередной раз, забыли про арендную плату или, что вероятнее, в конце охренели. Временами задержка была до четырех-пяти месяцев. Но владелец с этим, всё же, мирился. Ведь раньше там просто кучковались бомжи, а теперь, как-никак, при деле подвальчик и, хоть изредка, приносит копейку. Олег свидания с арендодателем не любил, о чём знала местная детвора, каждый раз предупреждая его о визите терпеливого владельца. Художник расплачивался за донос леденцами и сигаретами, и с мыслями: «значит не судьба, подождают шедевры», шёл к товарищу-собутельнику.

Все это, и ещё многое, я узнал за три месяца. Сначала наблюдал в метро, потом стало интересно, чем живет человек за пределами подземки. Мне было просто любопытно. На работу я шёл в одно и то же время, в независимости от того, есть ли там дела или первая половина дня практически свободна. Так почему не потратить своё время на путешествие в чужую жизнь? Ведь это так занимательно...

Тогда я не знал, что эти знания мне пригодятся, но, видимо, чувствовал. Не зря же внимание приковал слегка неопрятный тридцатидевятилетний, не в меру подпитый мужичок, а, например, не свежая, как утренняя роса, студентка-первокурсница. Студентку просто захочется трахнуть. Узнать о её жизни? Чего там узнавать?! Её жизнь только началась. А вот средних лет художник – другое дело. Тут и комедия, и драма, пародия и оригинальность, мимолетное счастье и черная пропасть безысходности. Именно такой актер идеален для своей роли. Но согласится ли? Конечно! Ведь он так любит халяву... Тем более, что роль донельзя проста. Олег Борисович должен сыграть Олега Борисовича! Быть самим собой, только в определенное время, в определенном месте. Дубовый паркет уютного ресторана – его сцена. Стол красного дерева и изысканные столовые приборы – декорации. Еда – реквизит. Главный партнер – бутылочка Альфреда Мортон. Зрительный зал – остальные гости ресторана, но вся эта пьеса предназначена лишь для одного человека.

4 января

Чего и сколько нужно для счастья? Это вопрос категорий. Кто какими мыслит. Кому то жизненно необходимо всеобщее признание, власть, наконец, деньги, много денег... А кому то – совсем немногого. Как говорил Ганс Христиан Андерсен: «Чтобы жить нужно солнце, свобода и маленький цветок». Хотя, иногда, вопрос даже в категориях, а в моменте. В данный, Олегу для счастья нужно было заставить веки оставаться сомкнутыми, словно ноги, ещё не подвыпившей одиннадцатиклассницы, в самом начале выпускного вечера. Мозг уже стряхивал пелену ночных грез, и он это понимал, но принимать не хотел, категорически. Перед

глазами было уже не смольно-черно, а серовато-багряно. Лучи утреннего солнца все настойчивее пытались пробиться сквозь предательски тонкие природные занавески человеческих глаз. Несмотря на мысленный, не подлежащий обсуждению, приказ владельца, веки распахнулись, будто старые скрипучие ставни, впускающие в дом полный пыли и затхлого воздуха утренний свет и свежесть прохладного ветерка. Олегу оставалось лишь с прискорбием принять тот факт, что он проснулся, а значит пришёл новый день, который пока не радовал его абсолютно ни в коей мере.

Первым ощущением, которое сумел расшифровать мозг, была жажда. Художник никогда не был в пустыне. Тем более брошенным там на погибель. Но в тот момент он точно понимал – именно так чувствует себя погибающий в раскаленных песках странник. В голове сами собой всплывали картинки. Вот, одетый в лохмотья путник уже в десятый раз переворачивает горлышком вниз раскаленную безжалостным солнцем пустыни флягу, в надежде, что в этот раз в ней, каким-то чудом, окажутся несколько капель живительной влаги. Вот несчастный взбирается на очередной бархан, уже не веря в то, что за ним увидит самое желанное в жизни – сказочный оазис. Вот ходок падает без сил. Его начинает постепенно заносить белым, как мука, раскаленным песком. Время укоряет свой бег и бездыханное тело иссыхает, кожа превращается в подобие истлевшего от времени папируса. Потом и она, под ударами огненного хлыста песчаной пустоши, слетает. Сначала небольшими хлопьями, затем ужасным конфетти, в один миг оголяя кости, которые в секунду выгорают до бела и почти сливаются с мертвенным окружающим пейзажем.

Олег чувствовал себя примерно как тот скелет, лишь с тем различием, что плоть не рассыпалась прахом и вполне способна была донести его кости к оазису, которым в эти мгновения представлялся обычный ржавый водопроводный кран. Окружающая обстановка пустыню не напоминала. В первую очередь тем, что там нет, никогда не было и, наверное, не будет столько хлама и различного рода мусора.

Подсобка дворника Витали порядком не отличалась. Скорее, беспорядок был её отличительной особенностью. На площади в двенадцать квадратных метров, легко соседствовали старый велосипед, надувания лодка, в состоянии готовности к отплытию, несколько, почти насквозь проржавевших, радиаторов, огромная лохматая собака, мерно посапывающая на заботливо отведенном для неё старом пледе, большой и тяжелый сундук, надежно запёртый на внушительных размеров амбарный замок. И это не считая мебели, которой у Виталия Владимировича, было не так уж и мало. Только в жилой комнате – три шкафа, столик, четыре стула и две софы, на одной из которых пытался собраться с мыслями ещё не до конца проснувшийся художник.

Олег всегда хотел пошутить, что-то вроде: «Это ты в тетрисе научился так вещи утрамбовывать?» Но выпивая, шутку забывал. А по трезвому шутить, даже столь невинно, над своим компаньоном в путешествии по непредсказуемому и загадочному миру суррогатного алкоголя, он не решался. Во-первых, художник в какой-то степени, уважал хозяина коморки, но всё же главным являлось второе – ему было его по-человечески жаль.

Виталька-дворник, как звали его жильцы пятиэтажки, то есть – его соседи, был человеком с очень непростой судьбой. Некогда блестящий боевой офицер ныне влачил жалкое существование в двенадцатиметровой квартирке и, как-бы, наблюдал за порядком во дворе. Делал он это посредством мониторов, на которые выводилась картинка с камер видеонаблюдения. Вообще-то, сами мониторы и иная сопутствующая аппаратура должна была располагаться в специальном техническом помещении, под которое, в свое время, переделали две подвальные кладовки, проведя там вполне сносный ремонт. Однако, Виталий Владимирович, несмотря на все возражения всё тех же жильцов, перетащил оборудование к себе в квартиру, с тем аргументом, что «отсюда контроль будет вестись лучше, ибо, охранник, то есть он, никуда отлучаться не будет». Жилье было у Витальки полуподвальное, так что с переносом коммуни-

каций особых проблем не возникло. Жильцы сначала протестовали, потом смирились. Ведь, кроме Виталия всё равно никто, даже пенсионеры, работать «всевидающим оком» не хотел. В нагрузку, буквально, за «три копейки», новоиспеченный «блюститель дворовой безопасности» согласился быть ещё и «блюстителем дворовой чистоты». Соседи сами попросили его взвалить на горб данный «коммунальный крест», так как дворники управляющей компании были во дворе гостями нечастыми и иногда не появлялись по месяцу, а то и по два. Конечно, и Виталик далеко не каждый день брался за метлу. Да и на мониторы поглядывал лишь, когда больше заняться было нечем. Но альтернативы у жильцов все равно не было. Не устраивало их и то, что локальный стаж порядка и чистоты беспробудно пил. Но сделать с этим всё равно ничего не могли, а потому, принимали сие обстоятельство как данность.

Но Виталий Владимирович не всегда был Виталей-дворником. Ещё каких-то двадцать пять лет назад, он – майор Цибин, являлся тем, на кого ровнялись, как армейские новобранцы, так и опытные бойцы, повидавшие столько, что и на десяток жизней хватит. Спецгруппа Цибина не провалила ни одного задания! Спецназовцы под его руководством выполняли, казалось бы, невыполнимые задачи. Причём, в строго отведённые сроки и с минимальными боевыми потерями. В его родной отдельной бригаде специального назначения, Цибина нередко сравнивали с самим Маргеловым, настолько, иной раз, нестандартно, но, вместе с тем, эффективно он решал поставленные руководством задачи.

Последняя его операция так же не была провальной. Тогда, в первую Чеченскую, Виталию Цибину было поручено освободить из плена группу журналистов, среди которых были и иностранцы. Разведка сработала точно. Во время штурма не пострадал ни один из заложников. Потерь среди личного состава не было. В ходе этой операции ранение получил только один боец – сам майор. В ходе спешного отступления, на пути пришлось обезвреживать несколько растяжек. Одна из них оказалась ложной, чтобы отвлечь внимание. Вторую, сокрытую, в попытках не обнаружили и Ф-1 сделала свое кровавое дело. Осколки не посекали в капусту всю группу по какой-то счастливой случайности. Досталось лишь командиру. Досталось в позвоночник.

Когда Цибина доставили в госпиталь и провели операцию, врач без утайки признался, что ходить бравый офицер, скорее всего, уже никогда не будет. Через полгода безуспешных попыток восстановить функции опорно-двигательного аппарата, майор, теперь уже в отставке, получил второе ранение, которое для него было страшнее первого. Супруга, поняв, что рискует всю оставшуюся жизнь быть сиделкой инвалида, подала на развод. Позже Цибин узнал, что у неё давно был любовник – местный мелкий чиновник. Так осколок гранаты стал точкой невозврата. Жена решила, что пока молода и красива надо устраивать свою жизнь. Ну, а бывший «главный в жизни мужчина», как в той песне: «Заживут твои ноженьки...»

Тогда Цибин запил в первый раз. Длилось путешествие вдаль от реальности четыре месяца, до того момента, когда Виталия не заехал навестить боевой товарищ – бывший подчиненный, а ныне сам руководитель спецотряда. Спецу стало жаль командира и он, активизировав связи в минобороны и минздраве, определил отставника в одну из клиник, которая славилась своими восстановительными методиками. Там майор нашёл свое спасение, причем, даже не в терапии, а в отдельно взятом человеке. Этим человеком стала молоденькая медсестра, немногим за двадцать. Невысокая, несколько субтильная, красивые, слегка выющиеся, окрашенные в рыжий волосы, чуть курносая и с добрыми голубыми глазами.

В этих глазах майор нашел то, что однажды обрел, а затем потерял. Даже не потерял... Судьба вырвала всё, что так любил, наживую, без наркоза, после показав, высоко подняв над головой, чего лишает недавнего владельца. Всё безжалостно и безапелляционно. Но, в моменты, когда это голубоглазое чудо помогало пересест с кровати на каталку, переодеться, достать пульт от маленького старого телевизора, который хамоватый, заросший как дикий зверь, сосед по палате постоянно, будто нарочно, клал на недосягаемый без посторонней помощи двухметровый холодильник, Цибину казалось, что все удары и падения были лишь

для того, чтобы он поднялся и понял, где его настоящая судьба. Будто все несчастья и потери были, просто, неизбежными особенностями рельефа той дороги, по которой он шёл к ней.

Медсестра Кристина, так звали новую любовь раненого солдата, была скромна, учтива и добра к пациенту. Виталий тоже старался быть сдержанным, но, со временем, чувства, в каком-то эфемерном, незримом и неслышимом диапазоне, начали говорить о себе. Кристина, как оказалось, тоже испытывает нечто подобное. Сначала это была жалость, которая со временем переросла в нечто большее, чем просто симпатию – во влюбленность. На третий месяц пребывания в клинике между медсестрой и пациентом Цибиным начался настоящий роман. Она поддерживала его во всём и подбадривала, как могла. Он же, в свою очередь, изо всех сил пытался стать тем, кто её достоин. Сначала, вновь научиться ходить. Кристина оказалась его личным маяком, его точкой «Б», его, почти невыполнимым заданием. Но развеивать убеждения в том, что для того, кого сравнивали с Маргеловым, есть что-то невыполнимое, Цибину было не впервой.

Через одиннадцать месяцев после поступления, пациент Цибин сменил статус на бывшего пациента. Из клиники он вышел, лишь слегка опираясь на трость и руку своей рыжеволосой возлюбленной. Вскоре он устроился на работу в милицию, инструктором по стрелковому оружию, отремонтировал старую квартиру, в которую после ремонта переселилась новая избранница. Всё шло своим чередом и Цибину казалось вот он – второй шанс на счастье.

Но, как уже говорилось выше, только казалось. В один из теплых летних дней,

в тире, где проводил очередные занятия будущий Виталька-дворник, случился небольшой инцидент. При попытке помочь одному из новоявленных стражей правопорядка правильно захлопнуть ствольную коробку «Калашникова», протеже, в совсем не подходящий момент, сделал всё как надо и прищемил кожу ладони своего наставника. Травма шуточная, но занятия закончили раньше времени, а инструктора отправили залечивать «рану, полученную при исполнении» в домашних условиях. По дороге домой Цибин прошёлся через небольшой рыночек, прикупив немного свиной вырезки. Инструктор рассчитывал к приходу благоверной с работы пожарить отбивных, которые, по её словам, так божественно умел делать только он. Однако, тихонько (привычка осталась еще со службы) открыв входную дверь, Виталий понял, что невеста дома и, как выяснилось мгновением позже, не одна.

Войдя на порог зала, майор узрел, как его любимую, возложив её стройные ноги себе на плечи, ритмично вдавливая в диван совсем юный мальчишка, не старше тех, которых он, ещё несколько лет назад, учил вязать вокруг ног портянки. Следующие несколько минут были как в тумане. От очередного греха на душу, только уже в мирное время, сберег сосед, прибежавший на крики девушки и оглушивший Цибина, лежавшей на видном месте деревянной скалкой. Мгновением позже, майор бы перешёл от вульгарного уличного избиения к тому, чему учили в армейском спецназе – просто свернул бы шенку шею. Потом были милиция, следователь, суд.

Виталию удалось избежать путешествия в «места не столь отдаленные», подкупив слугителей Фемиды. Срок дали условный. Но для этого экс-армейцу пришлось влезть в грабительский кредит – деньги нужны были немалые и срочно, а под следствием занять их, даже у самого бессовестного банка – задача не из простых. Но у майора получилось. Правда, с возвратом долга возникли проблемы. С работы уволили. На другую, с условием, брать не хотели. В итоге пришлось продать часть своей квартиры. Благо, соседи за стенкой оказались людьми довольно состоятельными и выкупили две из трёх, имеющихся в собственности Цибина, комнат. Вот так, семидесяти пятиметровая трёшка превратилась в двенадцатиметровую гостинку.

Правда, двенадцать – это прихожая с кухней. Были ещё туалет и ванная, где, в свою очередь, имелись унитаз и душ. И этот факт Олега не мог не радовать, в это солнечное и такое тяжелое утро. В голове стал вырисовываться план на ближайшие полчаса, если, конечно, жиз-

ненно важные органы не откажут, а конечности, после некоторых усилий воли, вновь станут повиноваться своему хозяину.

– Проснулся? – Цибин вошёл, как всегда, бесшумно, словно тень. – Есть будешь? Я макароны варить собираюсь. Есть консерва рыбная, на прикуску.

Олег молчал. Не потому, что ему нечего было ответить или он ещё не решил – голоден или нет. Он просто не мог повернуть пересохший язык таким образом, чтобы выдавать хоть что-то напоминающее человеческую речь. Да и не хотел. Единственное чего он сейчас желал – это освободить желудок от остатков не успевшего всосаться за ночь спиртного, попить и, хотя бы, с минуту подержать голову под струями холодной воды. Будто прочитав эти мысли, желудок дал понять, что с реализацией намеченного плана мешкать не стоит. Буквально прокатившись на заплетающихся ногах те пару метров, что отделяли софу от туалетной комнаты, Олег скорчился над унитазом в рвотном позыве.

– Блюёшь – это хорошо! – не преминул прокомментировать страдания собутельника Виталия. Выглядел он намного лучше своего товарища. Бодро держался, на когда-то бесполезных ногах и, вполне ясным взглядом следил за тем, чтобы воды, которая в это время заполняла алюминиевую кастрюльку, было ни много и ни мало, а ровно столько сколько надо.

– Блюёшь, значит организм сопротивляется! У меня, вот, уже сдался. Последние десять лет – ни разу. Не! Вру! Три года назад просрочкой траванулся. Блевал – ни дай Бог. А от спиртяги – ни разу. Помню, в армии, ещё на срочке, в Кабарде, местные водяры подогнали. Так, караул с нас был аж «караул»! – Цибин на несколько мгновений прервал рассказ, окунувшись в воспоминания, уголки рта сами собой потянулись в стороны и вверх, а в глазах промелькнуло подобие тоски, но какой-то теплой и доброй. Так бывает, когда человек вспоминает что-то хорошее, но не особенно жалеет о том, что это лишь прошлое. Когда воспоминания – это то, что нужно, а большего и не надо...

– А ещё помню, в технаре, пошли к девам в общагу. Лет шестнадцать мне было. Ну, был малёх стеснительный. Ну и, перед знакомством, снять мандраж «косорыловкой» решил. Дык, меня знакомит братан, мол, это Виталик, это Наташа. Она – «Очень приятно». А я, вместо «здрассте», давай ей под ноги рыгать! Вот, надо мной потом пацаны ржали. Мол, «когда будешь ебать – вообще устрешься!»

Задорные рассказы о лихой молодости Витали-дворника Олег слышал, как через пуховую подушку. Будто где-то вдалеке кто-то беседовал. И беседовал вовсе не с ним, а с кем-то, у кого были для разговора и силы и желание. У художника не присутствовало ни того ни другого. Хотелось, лишь, освободиться от хмельного плена. Проще всего было бы пустить себе пулю в голову. Просто засунуть в рот дуло пистолета и нажать на спусковой крючок! Но оружия под рукой не было. Был лишь Виталия. В данный конкретный момент, только он мог стать оружием в борьбе с утренним недугом. К тому времени, когда Олег перешел от объятий с унитазом к водным процедурам, свесив голову в ванную, нещадно орошал засаленные волосы струями ледяной воды, экс-спецназовец уже сам пришёл к выводу, что без должной терапии товарищ придет в себя только к завтрашнему дню. Сыпанув «на глаз» в кастрюлю хлорид натрия, он же обычная соль, потянул ручку холодильника на себя и, приоткрыв дверцу, с видом искушенного сомелье, принялся, пока лишь визуально, изучать содержимое полупустой стеклянной и пластиковой тары.

Глава 2

5 января

«...но, самое главное, что вы, каждый день, каждую минуту, служите своей стране по сей день. Потому что, вы являетесь тем ориентиром, который сейчас нужен нашей молодежи, нужен нашему государству. Вы участвуете в военно-патриотических акциях и мероприятиях, проводите уроки мужества в наших школах. Вы рассказываете тем, кто знает о войне лишь понаслышке, правду. Правду о том, что в ней можно найти романтику, лишь находясь вдалеке от полей сражений. Правду о том, что там, где свистят пули и рвутся снаряды, есть место всему презираемому теми, кто никогда не был в настоящем бою. Есть место страху, горечи утраты, отчаянию. Но есть место и доблести, отваге и, самое главное, верности долгу перед Отечеством. Долгу, который свят и превыше жизни. Долг, не полковому командиру или штабному генералу, но самому себе. Потому что, есть понимание – за спиной города и деревни, где живут родные и близкие. И никто кроме тебя и таких же, как ты солдат, не остановит захватчиков. Отступить, сбежать и спрятаться, пока не утихнет канонада и в воздухе повиснет, в прямом смысле, мертвая тишина – значит отвернуться, предать своих близких, а значит, и предать самого себя.

Но вы выстояли! Вы не поддались страху, иногда игнорируя инстинкт самосохранения, и выжили. Выжили и говорите о своей Победе до сих пор! Говорите правду, назло тем, кто, спустя столько лет, пытается переписать историю. Пытается унизить роль Советского народа в Великой Отечественной – Второй Мировой войне. Назло тем, кто ставит в один ряд ветеранов Красной армии и её союзников с предателями, сменившими сторону, когда это было удобно и уничтожавшими свой собственный народ. Честь и хвала вам – дорогие ветераны. Вечная память тем, кто сложил головы за своё великое Отечество...»

Как-то так. В меру помпезно, в меру приторно, в общем – то, что надо. Именно это прозвучит из уст президента на сегодняшней встрече с ветеранами Великой Отечественной войны. Может, будет пара мелких правок, но это не так важно. Дежурная речь. Смысловой нагрузки немного, в основном эмоциональная. Главное, что каждое слово – правда. Правда – единственная эффективная защита. Конечно, её часто интерпретируют в зависимости от политической конъюнктуры. Но, всё равно, лучше правды ещё никто ничего не придумал. Это просто, это надежно. При любой полемике можно, всего-то, упереться рогом и стоять на своём. Тем более, что правду всегда намного легче подкрепить аргументами и живыми примерами, нежели, даже искусную и реалистичную выдумку. И тогда это выглядит сильно. А сильно – это главное.

Никто не поверит и не пойдет за слабым политиком нигде в Море, а в России особенно. Этим принципом я руководствуюсь сам. Это же, через свои спичи, я привил президенту. Точнее, не президенту, а тогда ещё депутату Марку Титову. Он никогда не был руководителем аппарата своей партии, но благодаря мне он буквально за три года набрал очки, как у коллег по фракции, так и у простых людей. В итоге, на очередных выборах, пусть не в первом туре, пусть со скрипом, мелким жульничеством и незначительной подтасовкой голосования, что было в порядке вещей, Марк стал президентом самой большой страны на этой планете.

На его пути, от депутата партии, не с самым большим представительством в федеральном парламенте, до хозяина главного кремлевского кабинета, я был не просто попутчиком и помощником. Скорее проводником. Но, отнюдь не тем, кто указывает правильное направление, а больше тем, кто незримо подталкивает ступить на тот или иной фарватер, находясь в раздумье на судьбоносном узле. В мою обязанность, в первую очередь, входило писать публичные выступления. Со временем Марк стал интересоваться интерпретацией тех или иных выражений в различных контекстах. Некоторые фразы можно было, в зависимости от обстоятельств и антуража, истолковать совершенно по-разному.

Сначала он обсуждал это со своим пресс-секретарем, затем стал общаться напрямую со мной, так как ему стала интересна глубина и истинный подтекст того или иного сплетенья слов. Иногда, мы делали правки, дабы никто не смог усмотреть двусмысленности. А иногда, мне удавалось убедить его, что именно то или иное сочетание информационных аргументаций в связке с выражениями, бьющими по эмоциональным струнам слушателей – именно то, что нужно для той или иной аудитории. Мы исходили из того, для кого именно составлялось обращение, но, вместе с тем, выдерживали общую линию. Она могла казаться несколько нечеткой, но именно такой она и должна была быть в современном политическом мире. Консервативность, но одновременно, открытость для предложений. Желание открывать новое, заглядывать за неведомые горизонты и, в те же самые драгоценные секунды, искать непознанное в, казалось бы, уже давным-давно изведенном.

Поскольку Марк Титов изначально был пластичен, как глина, он начал принимать форму своей оболочки. Он стал тем человеком, которым был на публике, начал верить в то, что говорил. Со временем глина закалилась и стала жесткой фигуркой на политической шахматной доске. Стала героической пешкой, что пересекла поле. Перешла с Е-2 на F-8, попутно отправив на пределы доски трех главных оппонентов. В день, когда Марк произнёс клятву на конституции, ему было всего сорок два. Он был свеж, активен, полон сил и желания сделать что-то, действительно, правильное и полезное. И он был открыт идеям и нестандартному видению. Даже на некие фундаментальные, нерушимые постулаты он иногда смотрел под новым углом. У него хватало на это фантазии и смелости, а у меня хватало ума, чтобы ненавязчиво подсказать, в какую точку и в какое время нужно стать, чтобы увидеть старое в новом свете. Кандидат, потом президент, не считал меня товарищем, а тем более другом. Однако, это не мешало ему ценить меня, как человека с которым стоит советоваться, даже по вопросам выходящим за рамки узкопрофильных деловых отношений. В этих случаях, я давал весьма скудные и не всегда толковые рекомендации – не хотел привлекать к себе лишнее внимание. Но, несмотря на это Титов ценил меня как советника.

Он дважды предлагал мне повышение. Сначала до пресс-секретаря, потом, аж, до руководителя аппарата. Оба раза я отказывался, ссылаясь на то, что такая работа не для меня – отнимает слишком много времени и сил. Нужно, в прямом смысле, «жить президентом», а не просто работать в команде. После представления целого ряда доводов, Марк пришёл к мысли, что я, просто, человек несколько иного склада и данные должности, и в самом деле, плохо мне подходят. Он видел во мне больше романтика, нежели политического деятеля, готового пробивать лбом стены и, при надобности, идти на амбразуру. Отчасти он был прав, отчасти сильно заблуждался. Но, так или иначе, даже оставаясь на своем старом месте спичрайтера, мое влияние на него только набирало силу. Ведь у остальных он пытался найти скрытые мотивы, а у меня нет.

И такое положение дел меня вполне устраивало. Во-первых – высокий уровень доверия. Во-вторых – по сравнению с другими закулисными членами президентской команды, не такая уж большая нагрузка. В-третьих – когда-нибудь, я имел возможность работать дистанционно. Это значительна поправка! Я далеко не всегда находился в Кремле, администрации или загородных резиденциях, где, в ходе множества встреч, незримо трудились десятки моих коллег. Хорошая привилегия, даже очень! Но я её заслужил. За годы работы в команде я ни разу не подводил. Ни разу ничего не сорвал, не написал глупостей и, когда это, действительно, требовалось – всегда был там, где нужно.

Вообще-то, мне положена машина с личным водителем и охраной. Но от неё я тоже отказался. Иногда звонил в гараж, просил выслать за мной авто. Но это редкость. Я люблю метро и ходить пешком по улицам. В машине можно детально разглядеть лишь затылок водителя, а за её пределами гораздо больше всего интересного. Можно перепрыгивать через лужи, потому что ливнёвки давно нуждаются в реконструкции. Можно толкаться в троллейбусе,

потому что система городского транспорта давно нуждается в пересмотре логистики. Можно пройтись по рынку и посмотреть с каким сожалением и болью, в равной степени, пенсионеры смотрят на криво написанные от руки ценники на продукты, которыми ещё тридцать лет назад можно было, без особых усилий, завалить себе всю кладовку и холодильник в придачу. Можно просто взглянуть в глаза прохожему и прочитать в них гораздо больше правды, чем в докладе очередного чиновника и том, как успешно реализуется та или иная социальная реформа. За пределами правительственной машины можно почувствовать, каково это – жить в своей стране.

Большинство из тех, кто сидит в правительственных кабинетах уже давно это забыли. Более того, старательно делают вид, что и не знали никогда. Все притворяются, что верят в то, что на МРОТ можно прожить целый месяц. Что за коммунальные услуги плата вовсе ни неподъемная для доброй трети населения. Что свинину или говядину может позволить себе каждый россиянин.

Я тоже притворялся. Но я притворялся ими. Теми, кто сидит в кабинетах. Кто обеспечил безбедную жизнь себе и своим отпрыскам на три поколения вперед. Но часть себя – часть настоящего гражданина своей страны я открывал. Совсем немного, самую малость. Открывал в том, что писал президенту для публичных выступлений и, иногда, в личных беседах. Мимолетом сболтну почём нынче десяток яиц. Через пару дней – какова пенсия у старушки, что живет в соседнем доме, которой я помог открыть неподатливую дверь подъезда. Иной раз, специально наступал в лужу и слегка забрызгивал штанину, чтобы после, картинно выругаться, помянув коммунальщиков. Я по чуть-чуть добавлял не подходящие ингредиенты в коктейль. Они портят вкус, лишь слегка. Но они не дают забыть о том, что есть не только элитные бары, в которых всё только самое вкусное. Они напоминают, что по-прежнему существуют и захолустные наливайки с паленой водкой, заветренной квашеной капустой, на закуску и тараканами, чувствующими себя на крохотной кухне полноправными хозяевами. Я не давал до конца забыть вкус реальности. И это помогало Марку.

Со временем, во многом из-за данного качества, его рейтинг значительно вырос. За него не просто были готовы голосовать в следующий раз. Многие его, действительно, любили. Весьма жесткая позиция по внешней политике вызывала уважение, как и приоритет, внутренним проблемам. Конечно, он не мог сотворить всеобщее благо. Во-первых – такового не существует вовсе. Во-вторых – это никому, кроме самого народа, не нужно. А правит в стране народ только на словах. Многомиллиардным корпорациям всегда нужно было продвигать свои интересы, выкачивать из населения и народных недр деньги.

С приходом к власти Марка ничего не поменялось. Он в полной мере ощутил, каково это, балансировать между народным гневом и жёстким лобби толстосумов, как зарубежного, так и отечественного розлива. Власть – это ежедневная пляска на лезвии очень тонкого и острого ножа. В какую сторону не соскользнешь – станешь либо политическим трупом, либо просто трупом.

Шаг вправо, навстречу гражданам и олигархическое кодро спустит с цепей церберов, которые порвут в клочья сотканный из тонких и нежных нитей имидж, натравят международные организации, зарубежных политиков, юристов, блогеров и прочую нечисть. Сделают так, чтобы российский народ ещё больше погряз в нищете и всеобщем беспределе, и, в итоге, сам доломал кости, оставленные брезгливыми золотыми трёхглавыми псами.

Шаг влево и народное терпение лопнет. Иголку к раздувшемуся шару поднесут, купленные за зеленую валюту, провокаторы и всё пойдёт, практически, по тому же сценарию. Только обойдется дешевле. И так и эдак – смерть, как политика, в лучшем случае. В худшем – революция и долгие годы внутреннего раздора, который будут всячески подогревать «доброжелатели» с Запада. Единственный разумный путь – вперед, по лезвию, идеальный баланс. Разумный путь... Я уже говорил, что я псих?

Кстати, где-же Олег Борисович. В этот день в метро я его не видел. Может, случилось что? Было бы очень жаль. Ведь у него совсем скоро бенефис...

Опять свет пытается прорваться сквозь веки. Опять, несмотря на ежесекундно просачивающуюся в щель треснувшего стекла форточки зимнюю утреннюю свежесть, в комнате, кажется, безумно душно. Снова одна из пружин продавленной софы пытается проколоть кожу в районе поясницы. Олегу очень хотелось, чтобы у неё это получилось. Может, небольшое кровоупускание поможет снять давление, которое не изнутри, а будто снаружи безжалостно давит на череп стальными тисками, а незримый палач методично и нещадно закручивает рычаги механизма всё туже и туже.

Вчера было то же самое... Только, в отличие от дня минувшего, у Олега не было сил, чтобы донести свое измученное перманентным алкогольным отравлением тело до ванной, где спасительные холодные водные струи умеют, каким-то волшебным образом, принести временную анестезию.

Художник приложил усилие и перевел взгляд с угла комнаты, затянутого у потолка пыльной паутиной, на соседнюю софу. Она была аккуратно застелена. Значит, хозяин помещения уже проснулся и, скорее всего, судя по стоящей в квартире тишине, ушёл в магазин за единственным лекарством, которое могло облегчить похмельные муки. Олег часто задавался вопросом – как у сильно и постоянно пьющего человека хватает сил каждое утро вставать, готовить завтрак, ходить в магазин, иногда выполнять свои рабочие обязанности (подметать дворовую территорию или расчищать снег)? Да, хотя бы, вставать? После попок у Олега хватало мочи, максимум, на то, чтобы доползти до туалета, проблеваться и залезть обратно в кровать. А остальное – личная гигиена, питание, работа – как-нибудь потом. Потом, настанет тогда, когда голод или естественные потребности станут достаточно весомым аргументом, чтобы выйти из анабиоза. Крепким организмом мастер кисти тоже не мог объяснить феноменальные качества своего собутыльника. Скорее всего, думалось ему, это какая-то, еще заложенная с армии, программа – вбитые в сознание незыблемые постулаты. В шесть подъем, чистка зубов, мыывание, прием пищи, и вперед – исполнять долг перед Родиной.

У Олега никакого чувства долга не перед кем не было. Он, вообще, не считал себя кому-либо чем-то обязанным. Ни себе, ни искусству, а тем более обществу. Никому до него нет дела! Так, какого спрашивается чёрта, ему должно быть дело до кого бы то ни было? По крайней мере, он часто себя в этом убеждал и, надо сказать, не безуспешно. Думаете, настоящий панк это тот, кто напялил старую косуху, огромные говнодавы и выбрил на башке ирокез? Нет! Вот он, «тру-панк» – лежит, с пофигизмом и в мыслях и в образе!

Но в этот день, это пофигизм, граничащий с банальным эгоизмом, должен был подвигаться, уступив место чему-то иному. Ведь Олег планировал пригласить Женю, посиделки с которой до сего дня ограничивались, максимум, бутылкой недорогого шампанского на Патриарших прудах, на настоящий романтический ужин. Не тот дешёвый аналог, который он однажды устроил в мастерской! Нет! Безусловно, элемент романтики присутствовал. Неоконченная картина, мольберты, разговоры об искусстве, о том, во что превратилось и извратилось понятие живописи и сама живопись в двадцатом, тире, двадцать первом веке. Тогда, три года назад, обстановка творческого разгула, который набирает высоту полёта в минуты, когда есть хост, кисть, вдохновение, и автор, один на один со своими мыслями, один на один с девственным или уже ужаленным краской прямоугольником льняной ткани, сделала своё дело. Евгения была очарована художником. Но это было давно. Да и по уровню романтики Олег ничего лучше придумать так и не смог, да и не хотел. Тем более, на то, на что у него фантазии хватало, требовались деньги. А денег у живописца, как правило, не водилось. А если и водились, то,

как правило, они очень быстро прогуливались с друзьями и о женщине Олег вспоминал, когда финансы позволяли, лишь три тюльпана и бутылочку игристого.

В этот день денег хватало примерно на то же самое. Разница заключалась в том, что ужин в этот раз должен был быть халявным. Да ещё какой ужин! В одном из самых престижных ресторанов и с депозитом, на который можно было бы полгода вполне успешно выпивать, например, здесь с Виталей-дворником. Однако, пока у Олега не хватало сил думать о вечере. Сил не хватало вообще, чтобы думать... Он просто лежал и смотрел в одну точку – на муху, которая по каким-то неизвестным причинам, несмотря на зиму, никуда не делась, а вполне полетному, сидела себе на стене и забавно терла передними лапками свою крохотную головку, видимо принимая утренние гигиенические процедуры, так как больше всего это смахивало на умывание.

Неизвестно сколько бы еще художник смотрел пустыми глазами на насекомое, если бы из блаженного ступора его не вывела уже привычная фраза товарища по бутылке.

– Завтракать будешь? – дежурно поинтересовался хозяин коморки.

Он, как всегда, бесшумно открыл дверь, вошел, скинул старенький бушлат и ботинки и, уже начинал деловито расставлять на маленьком кухонном столике посуду, необходимую для приготовления пищи. На этот раз Виталий извлек из подвешного шкафчика с покосившейся дверцей небольшую сковородку, кастрюльку, банку с гречневой крупой и аккуратную картонную коробочку с отсеченным верхом, в которой он бережно хранил приправы.

Вопрос гостю Виталик задал больше для порядка. Что горсть гречки варить, что две – один хрен. Захочет есть – пожалуйста. Не захочет – сам всё умнёт. Тем более, что в этот день, несмотря на довольно ранний час (часы показывали всего-то полдевятого), майор был очень голоден. Ночью, как назло, повалил снег. И потому, утренний променад в круглосуточный магазинчик за «поллитрой», превратился трудовой подвиг. Чтобы продрасть через сугроб, что был выше колена, потребовалась лопата. Покопав проход от своего подъезда к арке, за которой уже успели прибрать городские коммунальщики, Виталий пришел к выводу, что остальным жильцам тоже нужен проход, и они рано или поздно начнут его, вполне справедливо, требовать. Потому, решив не откладывать дело в долгий ящик, дворник расчистил все дворовые дорожки. На это занятие он потратил больше полутора часов и порядком устал, а потому хотел есть. Именно есть, а не полежать на диванчике и тому подобного.

Как можно быстрее восполнить запас энергии – ещё армейская привычка. Его организм перестроился таким образом, чтобы сигнализировать о том, что силы потрачены и надо бы подзарядить аккумуляторы, не тогда, когда хочется, а тогда, когда надо! То есть, в ближайшее свободное время. Всё как во время боевой операции. Самолет, десантирование, точка сбора, марш бросок, бой, марш бросок в точку эвакуации. А когда есть возможность – тогда и привал. Так же на задании, так же на учениях, так же в штабе, так же и сейчас.

– Сегодня гречка с салом, – объявил Виталья. – Сальцом баба Нюра угостила. К ней дети с Белоруссии приехали. Местных харчей притаранили!

С этими словами Виталий, уже промыв и поставив на огонь кастрюлю с крупой, принялся нарезать на небольшие ломтики кусок сала, с кулак размером, про себя с удовольствием отметив, что данный экземпляр явно дает сто очков форы тем, что лежат на прилавках московских супермаркетов.

– Так сало ж, вроде, с Украины везут? – хриплым голосом отозвался Олег. Он еще не решил, будет ли пытаться протолкнуть внутрь приготовленную товарищем стряпню. Потому лучшее, что сумел придумать, это, хотя бы на время, уйти от прямого ответа.

– По-твоему у хохлов монополия на сало? – Виталий слегка улыбнулся в усы, вспомнив как Митя – сослуживец как-то поделился посылкой из дома, с Днепропетровщины. Сало было – ну просто сказка, таяло на языке. Но делиться этой историей он не стал. Конец у неё был грустный. Через три дня Митя погиб. Причем, не в бою, а по собственной глупости. На уче-

ниях попал под колеса «Урала». Просто, не удержался на подножке. Запрыгнул на неё, дабы облегчить и ускорить себе путь до палаточного лагеря. Идти-то, всего было, около километра. Ан – нет! Выпендриться захотел! Соскользнул и нет больше Митьки.

– Налить? Я «беленькой» холодной прихватил. С тебя, две сотки, кстати!

Олегу водки не хотелось, но он понимал, что в данной ситуации лучше немного похмелиться. Иначе приходиться в себя он будет ещё очень долго. Так что, как говорится, «не пьянства ради, а здоровья для»... Лучше быть под шафе и слегка больным, чем похожим на на время ожившего мертвеца ещё, как минимум, сутки.

– Давай по маленькой! – согласился художник.

Олег сумел достаточно бодро, рывком встать с кровати и решительно направился в кухню. Благо, путь состоял всего из трёх шагов.

– Может, каши дождёмся? – с некой опаской поинтересовался Виталий. Ему хоть в одного всю бутылку и ничего не станется. А вот художник был не столь стоек. Пару рюмок на голодный желудок и можно снова в люлю.

– Давай по первой. Потом каша!

Олег не дожидаясь пока это сделает хозяин, в два поворота скрутил белую головку бутылки, быстро нашел взглядом замусоленные стопки и, на глаз, но довольно точно и поровну, начислил по 30 граммов.

– Ну, за здоровье! – объявил он.

Холодный поток устремился по пищеводу в направлении желудка. Он лишь немного задержался на языке. Затем ротовая полость резко уменьшилась в объёме, тем самым протолкнув жидкость далее по маршруту. Водка была, как всегда, дешёвая, суррогатная и противная, но холодная, потому рвотных рефлексов не последовало. Олег чувствовал как тонкая струйка, словно локомотив поезда-метро, набирает скорость и едет всё быстрее и быстрее, дальше по тоннелям его воспалённого организма. Вот зелье попало в желудок. В нутро, где, видимо, ещё со вчерашнего осталось не усвоившееся спиртное. Внутренности, как-то передернуло. Вот-вот в голове начнет проявляться. Нужно только немного подождать. Совсем чуть-чуть. Просто закрыть глаза и дать мозгу пару секунд на осознание того, что помощь уже в пути. Нужно просто подождать...

Художнику очень хотелось вернуться обратно в кровать и поспать ещё, хотя бы, час-два. Сейчас у него бы получилось. И сон не был бы таким тревожным, как обычно в последние предрассветные часы, когда опьянение становится фоном, а интоксикация выходит на первый план. Но отправься он сейчас спать – проснется вновь только вечером. А вечером уже надо было быть в другом месте и в другом виде. Виталик будто прочитал его мысли, настолько в точку был еще один, вроде бы, дежурный вопрос.

– Дела сегодня? – слова прозвучали безразлично, но Олег знал, что это не так.

Витале было действительно интересно, хотя бы потому, что интересоваться чем-либо ещё ему было просто не у кого.

– Да. Надо съездить переодеться. Потом Женю встретить с работы. У нас, типа, свидание!

– Свидание? – в голосе майора начали читаться нотки заинтересованности. Похоже, элемент разнообразия в интимной жизни товарища вызвал неподдельный интерес. – На пруды или в мастерскую?

Виталия знал, как ухаживать за женщинами и знал, как это делает художник – скупое, банально, эгоцентрично. Тем более, после того, как добывается своего, то есть, раз-два пере-спит с интересной ему особой. Тогда свидания становятся лишь для галочки и очень редкими.

– Рекомендую приодеться потеплее, – посоветовал дворник. – Сегодня холодно и, судя по небу, снег снова повалит! – в его голосе явственно читались нотки иронии.

– Ни к чему. Сегодня всё, как в «лучших домах»! – Олег сделал театральную паузу, чтобы собеседник успел выстроить в голове несколько вариантов и, лишь потом понять, что все они были далеки от истины. – Мы в ресторан пойдем!

Цибин, действительно, такого банального свидания для большинства и невероятного для единственного его товарища, представить не мог. Потому, был слегка ошарашен, но задал вполне резонный вопрос.

– Откуда бабки? «Мазню» свою продал?

На слове «мазня» у художника слегка дернулся правый уголок рта. Майор знал, что Олег считает себя непризнанным гением. И Олег знал, что майор это знает. Потому, слово «мазня» случайно затесаться в предложение не могло. Укол был намеренный. Может как маленькая месть за то, что художник пьёт за счет хозяина уже третий день и не принимает никакого финансового участия... Может потому, что вчера, по пьяной лавочке, нагрубил экс-военному... Может еще что... Но после этого вопроса художник понял – хозяин комнатухи точно чем-то недоволен.

– Денег, у меня как не было так и нет! – художник решил, на сей раз, сделать вид, что пропустил оскорбление мимо ушей. – Мне улыбнулась удача! Так, как уже давно никто никому не улыбается.

В течении следующих десяти минут, Олег Тоцкий рассказывал майору о том, как случилось так, что нищий художник сегодня может позволить себе ужин в одном из самых престижных ресторанов Москвы. О том, как на выходе из метро встретил парня раздающего, по какой-то акции, сигареты, как раз те, которые он любит, но далеко не всегда может себе позволить. О том, как юноша записал номер его телефона и почти незаметный, выданный на дне пачки, индивидуальный код. Парень объяснил – в новогодние праздники Российское представительство компании-производителя дарит подарки и скоро будет розыгрыш. На следующий день Олегу позвонили, поздравили с прошедшим Новым Годом и наступающим Рождеством. И, что самое главное, сообщили – он выиграл романтический ужин! Всё оплачено. Депозит: 500 тысяч рублей. Дата: 5 января. Столик забронирован с 19:00.

Майор слушал внимательно, не перебивая, лишь иногда завистливо хмыкая.

– Не бывает так! Ни с того, ни с сего и такой фарт!

Цибин говорил искренне, хотя, и в правду, слегка завидовал товарищу. Он считал, что даже случайный подарок судьбы случайным не бывает. Значит, ты чем-то его заслужил. А вот чем мог заслужить полмиллиона художник, он понять не мог.

– Ты проверял. Может розыгрыш? – живо интересовался экс-военный.

– Нет! – повертел головой Тоцкий. – Я в тот ресторан звонил. Сказали, что всё так и есть. «Столик заказан, ужин оплачен, ждем Вас с нетерпением!»

Олегу нравился ход разговора. Он чувствовал зависть собутельника и, после «мазни», наслаждаться ею в полной мере.

– Я, вообще подумал, может деньгами можно как-то взять, хотя бы частично. Но с того конца провода меня вежливо «послали»! «Ресторан обязуется предоставить всё для незабываемого ужина, в рамках оговоренной суммы. Но, делать какие-либо выплаты мы не вправе. Аннулировать заказ вы так же не можете, поскольку, хоть он и на Ваше имя, оформляли не его Вы. Так, что извините. Ждем вас и вашу спутницу... или спутника».

Олег откровенно кривлялся, пересказывая слова администратора, таким образом, подчеркивая свое отношение к данному вопросу. Конечно же, ему хотелось забрать деньги. Хотелось гораздо больше, чем сделать любимой женщине подарок, который она запомнит, наверное, до конца жизни! Ведь, спустить зарплату за полтора года за один вечер, она не позволит себе никогда. Просто потому, что таких денег у неё никогда не будет, как, впрочем, и у него. Олег ещё раз задумался о том, как было бы славно, всё-таки, забрать пачку в сотню купюр с видами Хабаровска.

Ведь Тоцкий был человеком откровенно жадным. Даже в те времена, когда у него водились деньги – он был не менее скуп, чем теперь, когда в карманах гулял ветер. Он всегда покупал себе всё самое лучшее, что мог позволить. Однако, не жалел он денег только в одном случае – если они шли только на его индивидуальные благо. Итальянские пиджаки, испанское вино, позолоченные запонки, швейцарские часы – вот он, молодой художник Олег Тоцкий. За женщинами он умел красиво ухаживать. Но, как только ноги избранницы раздвигались, вся романтика нивелировалась. Отношение становилось таким же, как и ко всем остальным людям – «жлобским».

Олег любил себя и не любил, когда его любовь к себе приносила пользу кому-то ещё. Даже, когда творческое сообщество организовывало коллективные поездки или вечера, он скидывался скрепя сердце. Ему очень хотелось участвовать. Выпивать, шутить, показывать себя в свете. Но мысль о том, что кто-то, возможно, будет есть и пить на его деньги, просто корбила! Вдруг кто не скинется? Вдруг кто нагуляет на большую сумму, чем вложил в общее мероприятие? Жадность не давала Олегу в полной мере наслаждаться компаниями. Потому, со временем он стал одиночкой. Общался, скорее, вынужденно и, лишь иногда, по зову сердца. Всё-таки человек не может быть совсем один.

Так в жизни художника появилась Женя. Нужна ли была ему именно она или любой другой человек – Олег до конца не знал. Знал лишь одно – нужен был тот, кто даст частичку тепла, когда ему этого сильно не хватало. О тепле в ответ он как-то не задумывался. Да и не хотел задумываться. Просто знал – иногда нужно сделать вид, что тебе не все равно. И тогда человек ещё какое-то время не отвернется, будет рядом, когда это будет нужно. Сейчас был как раз такой случай. Дорогой ужин – то, что доктор, специализирующийся по сердечным, в метафорическом смысле, делам, прописал. Тем более, аккумулировать неожиданную удачу в выгоду, исключительно для своей персоны, не представлялось возможным.

– Мне надо позвонить. У тебя домашний работает? На мобильном денег... Ну, ты знаешь.

Майор уже несколько месяцев не пользовался стационарным аппаратом и доподлинно не представлял, работает ли он. Но причин не дать товарищу это проверить не видел. Потому, молча, кивнул в сторону прикроватного столика, на котором, в окружении фантиков от леденцов, подаренных доброму дворнику соседской семилетней девчушкой периодически подкармливающей экс-вояку чем-нибудь вкусненьким, стоял пыльный, некогда белый, а ныне скорее желтый старый дисковый аппарат.

Набрать номер у Олега получилось с трудом. Трясущиеся пальцы никак не хотели с первого раза попадать в нужные отверстия. Лишь через пару минут попытка увенчалась успехом и в трубке завучами длинные гудки. Первый, второй, третий, четвертый...

– Алле...

– Привет, это Олег.

– Да, слушаю. Ты где?

– Не важно...

– Важно. Я волновалась. Три дня прошло.

– Все нормально, – Олег решил, по обыкновению, оставить вопрос без ответа и перейти к тому, что в данный момент интересовало исключительно его. – Какие планы?

– Еще не знаю. Дома буду. Хочешь прийти?

– Хочу пригласить в ресторан. Пойдешь? – несколько секунд на другом конце провода была тишина.

– Пойду. Картину купили?

– Ну, да... – ни секунды не мешкая, соврал художник. – Давай, без пятнадцати семь на Бутырском, у Белорусской.

– Ну... давай.

Глава 3

Люблю такие пятачки. Вокруг суета, люди спешат по делам. Можно сидеть, наблюдать за ними и пить ароматный кофе, вприкуску с яблочным штруделем. А ещё люблю, что на таких пятачках почти всегда больше одно места, где можно поставить жизнь большого города на паузу. Можно находясь в одном заведении знакомиться с посетителями другого. Это как телевизор в доме напротив. Между тобой и героями фильма, который показывают по кабельному, коего у тебя никогда не было, пыльное стекло окна твоей крохотной квартиры, пару десятков метров загазованного городского воздуха, и немецкий стеклопакет состоятельной парочки из дома напротив. Но расстояние и препоны обстоятельств не важны. Звук тоже. Если по-настоящему интересно, чем все закончится, тебе достаточно небольшого мерцающего прямоугольника. Ты знаешь о чём, примерно, идет речь. Знаешь кто главные герои. Даже по общим очертаниям можно понять ход основных событий и суть финала картины. Тем более, в конце обязательно будет крупный план центрального персонажа. Если актер хорош – по лицу можно прочитать всё, что нужно.

Так и сегодня. Ресторан, в котором должна начаться интересующая меня мыльная опера, всего в пятнадцати метрах. Стоик главных героев у большого, не зашторенного окна. Я всё пойму. Пойму, есть ли у нас шанс, оставаться людьми или все мы уже бесповоротно стали лишь шестернями, которые крутятся благодаря едва ощутимому импульсу, с той скоростью и в ту сторону, в которую запланировано изначально. А может, мы ещё способны делать сюрпризы?

Дубовый уютный столик в углу. Белые тарелки со слегка заметной ребристостью ободка. Виктор любил, доев содержимое, кладя вилку и нож поперек посуды, слегка проехаться прибором по этому ребристому краю. Звонящий переливающийся звук, словно перебор бутафорской фарфоровой арфы, его успокаивал. Он напоминал о том, что сегодня был хороший ужин, в хорошем месте и на это были деньги, и завтра будут тоже. Он как награда за все усилия, за все лишения и старания, за целеустремленность и знание своего дела и, одновременно, как напоминание о том, что в детстве и юности он мог об этом только мечтать. Как и о семье, которая у него сейчас есть.

Своей первой – Виктор лишился в семь лет. Теперь его собственная семья сидит с ним за этим уютным столиком, в этом уютном уголке, уютного ресторана. Жена, дочь и этот звон металла о фарфор – всё чего он хотел и, по большому счету, всё, что ему нужно было для счастья.

Виктор помнил последний семейный ужин с отцом и матерью. Эти воспоминания были трогательными и, в то же время, страшными. А самое главное, что о родителях он ярко помнил только это – вечер, кухня, домашние пельмени. Отец смеялся и декларировал рыбацкие байки, рассказанные непутевым соседом Колькой. Мать, в перемазанном мукой фартуке, улыбалась и слушала. Она присела, лишь на краешек стула, как бы на секундочку. Подперла подбородок кулачком. Просто сидела, улыбалась и смотрела на мужа. Её совершенно не интересовал рассказ. Уставшая от перемалывания мяса в фарш, замешивания теста, лепки, варки, но в кругу своих самых близких людей, она была счастлива. Просто счастлива. Без условий, оговорок, потаенных обид. Обычная советская женщина, в обычной советской семье, с обычными заботами. Мама была просто рада тому, что есть Валера и Витюша. Двое самых родных людей земле – муж и сын.

Таковыми Виктор и запомнил своих родителей – уставшую, но счастливую маму и задорного и не менее счастливого отца. А ещё он запомнил, что в этот же день набегавшись во дворе и, перемазанный глиной с близлежащей стройки, он вернулся домой, но так за порог и не попал. Дядя в фуражке и погонах сказал что-то невнятное. Потом такие же дяди отвезли на окраину города к бабушке. На расспросы о родителях бабушка не отвечала, только каждый раз уходила в другую комнату и тихо плакала. Только через пять лет у старушки хватило духу рассказать внуку о том, что его отец напился с соседом, поругался с матерью, ударил её...

Ударил несильно, но этого было достаточно, чтобы женщина потеряла равновесие. Достаточно... Равно как и крепости угла кухонного стола, помноженной на вес и скорость падающего тела, чтобы пробить висок. Осознание содеянного пришло через несколько минут. А ещё через полчаса соседка набрала 02, сообщив о двух трупах. Одним, в луже собственной крови. И втором, висящем на затёртом но крепком брючном ремне, повязанном на крючок для люстры.

Потому, сейчас Виктор был счастлив и в тоже время очень боялся. Ведь он на собственном опыте знал, каким это счастье может быть хрупким. И ещё знал, что его дочь никогда, ни при каких обстоятельствах, никакой дядя в погонах, никуда не увезет! И никто и никогда ей не скажет, что родителей больше нет рядом, и так отныне будет всегда.

В этот раз он снова пришел к такой мысли. Рука сама собой потянулась к дочери. Он хотел провести ладонью по её щеке, но, как обычно, остался сдержан и просто, как бы невзначай, поправил бордовую салфетку, небрежно брошенную ребенком на детские коленки. Девочка не любила все эти правила застолий, но подчинилась им, потому что этого хотели папа с мамой.

Взгляд Виктора плавно переплыл на супругу. Их глаза встретились. Она понимала его состояние. Это выдавала скромная улыбка, едва заметная только мужу, для остальных она была просто неуловима.

– Можно ли подавать десерт? – подтянутый официант нарушил тишину семейного застолья, заранее извиняющимся тоном.

– Да, конечно, – скорее в пустоту, нежели адресно, ответил Виктор. – Да... – повторил он секунды через две, пытаясь взглядом найти лицо адресата. Однако, официант уже успел отойти на несколько метров, отчетливо поняв ответ и в первый раз.

И тут Виктор увидел пару, так похожую на его покойных родителей. Он – сидел и что-то увлеченно рассказывал. Она – была напротив, сидела на краешке стула по другую сторону стола, подпирая кулачками подбородок, слушала и улыбалась. Она была так похожа на неё... Не внешне. Нет. Чем-то до конца непонятным. Может, слегка тоскливым взглядом? Может, тем необъяснимым теплом, которое от неё исходило? А может, он просто искал то, чего нет? На эти вопросы мужчина ответов не знал, да и знать не хотел. Ему было просто приятно осознавать, что у других людей всё сложилось не так, а по-другому, лучше.

А вот парень на отца был внешне, действительно, похож. Только слегка худощавее, волосы длиннее, чеховская бородка, а не трехдневная небритость, которая, почему-то, всегда оставалась трехдневной. А ещё, может быть чуть меньше мужественности и больше утонченности. Хотя, если вспомнить, то отношением к своему внешнему виду отец давал этому незнакомцу приличную фору. Было видно, что за собой мужчина следит плохо. Заметно, что пиджак старый, туфли тоже. Брюки – не лучшего качества. Зато часы были неплохи. «Радо», причём, весьма дорогой серии. «Скорее всего, увлеченная личность – вся шелуха на втором плане».

Такой вывод показался Виктору вполне разумным. Мысли о том, что у клиента такого заведения могут быть проблемы финансового плана, попросту не пришло. Кто может позволить себе стейк за 180 евро? Только очень обеспеченный человек! А то, что одежда не соответствует статусу – не так уж и удивительно. В Европе и США далеко не каждого миллионера можно отличить от обычного студента. Простая одежда, простые увлечения. Там так принято. Это у нас тебя просто перестают понимать, если ты не тратишь деньги, коли они у тебя есть.

Если у тебя имеется состояние, но нет нескольких домов за границей, «Роллс Ройса», безмозглой, но смазливой двадцатидвухлетней любовницы – тебя просто не поймут. Нужно жить как арабский принц, иначе сочтут слабым. Но его, судя по всему, это не волнует. Его волнует она, а он волнует её.

«Как жаль», – подумал Виктор, – «сейчас, вот так же, возможно за этим же самым столиком, могли бы сидеть и его родители. Если бы тогда отец не махнул лишнего. Если бы...»

Какой хороший кофе! Наверное, я бы предпочел его «Альфреду Мортону». На месте Олега – точно бы предпочел. А может, я ошибаюсь? Из-за растения, что стоит у окна рестораника напротив, мне не было видно насколько опустела бутылка. Но, если судить по тому, сколько раз он прикладываясь к пузатому бокалу – точно, больше чем наполовину. Интересно было, насколько его хватит? Насколько прочна скорлупа приличия и такта? Как долго она сможет выдерживать внутреннее давление эгоизма и неколебимой уверенности в собственной исключительности? Скорлупа прочна. Но когда в ядро попадает реагент, то начинаются реакции. Бурление эмоций и мыслей создает внутреннее давление и закипает борьба. Либо панцирь прoderжится то время, пока не уgomонится море внутренних противоречий, которое, словно глубоководные черти, будоражит гнев, на почве непризнанной гениальности. Либо он даст трещину и цунами пошлости, надменности и черного цинизма накроет окружающих. В первую очередь – самых близких.

Для Олега катализатором был алкоголь. Чем его больше, тем больше вероятность эмоционального взрыва. Пока, всё у них неплохо. По крайней мере, внешне. Олег что-то рассказывает, Женя слушает, улыбается. Значит, время ещё не пришло. Или я, действительно, очень сильно заблуждаюсь? Может, я просто, больше не верю в людей и это только моя проблема? Может всё, над чем я постоянно ломаю голову, в надежде постигнуть слабые места в механизмах управления шестернями большого агрегата, который принято называть обществом *homosapiens*, лишь мой бред? Фантазии и галлюцинации сумасшедшего?

Вот он выпил – опустошил еще один бокал. Нет, всё спокойно. Наверное, я всё усложняю. Ну и пусть. Значит, я сделал доброе дело. Я дал им шанс разглядеть друг друга в новом ракурсе. Она увидит в нём человека, способного на внимание не только к себе. Он в ней то, что она этого внимания заслуживает! Видимо, в нём я все-таки ошибся. И к лучшему. Тогда у него еще есть шанс... У всех нас ещё есть шанс. Ведь, до этого момента я никогда не ошибался.

Пытаясь моделировать поведение людей, я всегда играл на черных клавишах – исключительно, на пороках и самых низменных желаниях. Это работало без сбоев. Но, нужно было всё это для более глобального – моделирования уже не поведения, а сознания. Для того, чтобы прийти к той или иной мысли, необходим опыт. Самый лучший – собственный. Чуть хуже – чужой пример. Пример негативный – самый запоминающийся. Увидев шедевр можно возжелать и даже помечтать сделать так же, а может и ещё лучше! Но, как правило, это остается на уровне «вот бы»... Зато столкнувшись с убожеством, вы сами себе скажите, а не исключено, что и дадите установку – «никогда». И, как минимум, в восьми из десяти случаев, это сработает.

В тот день Олег и его спутница были примером. Симпатичный мужчина, милая женщина, ужин, свечи. У неё в мыслях надежда на будущее. У него... Подождем и посмотрим. Я всё уже сделал. Выбор за ним. Станет он моим инструментом или останется одним из немногих способных удивлять психов, вроде меня?

– Еще что-нибудь будете? ... Ау?

Официантка. Симпатичная, молоденькая. По морщинкам у глаз и уголков рта видно, что веселая. Блондинка. Бред, что они всё тупые! Просто тупые чаще красятся. Зачем она

подошла? Ах, да! Кофе закончился, круассан давно съеден. Сажу и смотрю через улицу уже двадцать минут. И ничего не делаю. Не ем, не пью. Здесь так не принято. Чёрт! Опять правила! Но не такие уж и суровые. Тем более, кофе здесь вкусный.

– Можно еще кофе? И... – я слегка замялся, но уже через секунду добавил. – У вас есть «Альфред Мортон»?

Девушка дважды хлопнула ресницами и, разведя руки в стороны, попыталась жестом объяснить: то ли, что такого коньяка нет в наличии, то ли, что она вообще не понимает о чём речь.

– Забудьте! – махнул я рукой и приветливо, как я умею, улыбнулся. – Кофе. Черный. Такой же, как вы приносили ранее.

– Больше ничего? – прошептала она.

– Ничего. Хотя... Не могли бы вы уделить мне пару минут? Как принесёте кофе.

– Вы меня приглашаете? – состроила она кокетливую гримаску.

– Да. Но не для того о чем вы подумали...

Какую скривила рожицу! Капризная. Но не отказала. Ей интересно. Конечно, предложи я ей поужинать вместе – она бы повывалялась, но, скорее всего, согласилась бы. А потом... Но сейчас мне нужно другое. Мне нужно её мнение. Мнение человека живущего, как и все, в своем маленьком мирке. Мирке, где нет места мыслям ни о чём, кроме простого счастья и того пути, которым нужно пройти, чтобы, наконец, это самое счастье обрести. Такие мы все! Но, лишь немногие, в этом «своем мирке» не отводят специально зарезервированного места для кювета у прямой дороги к цели. Лишь немногие не думают о собственной неудаче. Эти люди мыслят ярко! Не озираясь на множественные «если». Мыслят, так, как прагматичные люди не могут себе позволить. Прагматики лишь украдкой, тайком от всех и даже самих себя, иногда впускают подобные мысли в свою голову, чтобы потом выгнать их оттуда, с обещанием больше никогда не допускать подобной ошибки. Люди, вроде этой девчонки, мыслят чисто. По крайней мере, мне кажется, что она из таких. По крайней мере, она ещё слишком молода, чтобы отравить сознание смогом реальности этого мира.

– Ваш кофе! – ей хватило всего нескольких минут, чтобы выполнить заказ.

– Садись. Может, чего-нибудь себе принесешь? Я заплачу... – предложил я.

– Это, как-то, на свидание смахивает! – театрально, сморщив лобик, смутилась официантка.

– Не смахивает. Не хочешь – как хочешь!

– К тому же, нам нельзя с клиентами рассаживаться... – продолжала она вяло сопротивляться.

– Это ненадолго. Смотри, во-о-о-он туда, – указал я пальцем на окно ресторана через улицу.

– Ну, ресторан и что?

– Видишь пара, у второго окна?

– Ну, и?

– Что ты о них думаешь?

– В смысле? – снова сморщила девица свой чистенький лобик. Она явно не поняла вопроса. Всё приходится объяснять! Хотя, это не удивительно. Все мы настолько отвыкли от простых, прямых вопросов. В каждом ищем ловушку...

– Просто, что думаешь, – пояснил я, несколько более снисходительно чем нужно. – Говори всё, что считаешь необходимым. Предположения, фантазии. Не стесняйся...

– Ну...

Она замялась. Это хорошо. Значит, либо, собиралась с мыслями, либо, придумывала враньё. И тот и другой вариант сгодится. Правда – отлично. Ложь – тоже неплохо. Ведь ложь из её уст может быть правдивыми мыслями такой же, как она сама. Её враньё – это то, что она

могла бы подумать, при тех или иных обстоятельствах, глядя на указанных мною людей. Так что – особой разницы нет.

– Мне кажется им хорошо. Они счастливы, – после небольшого промедления сказала девушка, очевидно, первое, что пришло ей в голову.

Я ждал и надеялся на этот ответ. Она, простая, скорее всего, довольно заурядная девушка. Со своими простыми мечтами, простыми истинами. Для простого человека, если отбросить философию, то, по большому счёту, есть «добро» и есть «зло», «черное» и «белое». Для подавляющего большинства, оттенков и подуровней этих определений не существует. Даже свои постыдные деяния мы не можем до конца вывести в разряд – «А если посмотреть с другой стороны...» Как ни крути, каким соусом не поливай, всё остается таким, каким является лично для нас.

Вот и у нее всё сложилось. Незнакомая парочка сидела в дорогом ресторане, наслаждалась ужином и друг другом. Это было «добро». Потом, мужчина, внезапно начал жестикулировать и что-то довольно бурно внушать своей спутнице. Что именно, молодая официантка не знала. Конечно, двойная стеклянная стена и разделявшая заведения улица не давали словам доноситься до её слуха. Но и без них всё было понятно. Вот, подошел официант, очевидно, узнать, всё ли в порядке. Вот, женщина закрыла лицо руками, плечи начали сотрясать волны начинающейся истерики. Вот, кавалер осушает очередной бокал, встает из-за стола, прихватив бутылку с остатками элитного спиртного, и направляется к гардеробу.

Всё и так понятно. Зачем озвучка этого спектакля? Моя нынешняя собеседница сделала свой выбор. Глаза грустные и немигающие, тонкие пальчики щипают форменный фартук. Для нее «добро» превратилось в «зло». Белую даль чужого счастья укрыла гарь испепеленных надежд. Она думает точно так же, как и единственный VIP-зритель. Только для юной девицы: «потому, что козёл!» – достаточная причина. А вот для него – нет. Для него, причина в том же, что разрушило его семью, из-за чего он остался один на один с большим Миром. Виктор знал – во всем виноват «Альфред Мортон»!

Спектакль окончен. На бис никто не выйдет. Можете аплодировать актерам, они хорошо сыграли свои партии. Но режиссер-постановщик пока останется за кулисами. Для него главной похвалой будет, если сегодняшний зритель сам выйдет на сцену и донесет до публики «свою правду». Правду о том, что во всем виноват «Альфред Мортон» и ему подобные. Сыграет так, чтобы зритель сказал – «верю» ... Чтобы президент сказал – «Верю! Во всем, действительно, виноват старина Альфред»...

Глава 4

9 февраля

Великое начинается с малого. Думаю, каждый это выражение слышал. Наверное, многие с ним согласны. Я из их числа. Однако, для себя я дополнил данный афоризм. Дополнил мелочами. Именно мелочами, так как из именно мелочей складывается что-то большое и значимое. В моём случае из них складывается качество, а от качества зависит эффективность. Всё взаимосвязано. Мой босс, мой президент, это понимает. Я научил его этому пониманию. Научил своим примером. Когда мне давали карт-бланш – моя работа была сродни творениям самых прославленных ювелиров. Чёткая, но, вместе с тем, тонкая. Напористая и, одновременно, мягкая. На вид незатейливая, однако, бьющая прямо в сердце.

Мои слова звучат из уст, официально, самого влиятельного человека страны, разносятся на весь Мир, обсуждаются, интерпретируются, подвергаются анализу. Они могут стать крыльями, несущими за облака, а могут выкристаллизоваться решетками, не дающими выбраться из сырого затхлого подземелья. До сих пор были только крылья. Ну, на худой конец, прочные ступени ведущие вверх. Потому, как мне работать решал я сам и никто не осмеливался оспаривать эти решения. Ни глава аппарата, ни пресс-службы, ни, даже, сам президент.

Марк знал – если я что-то решил – значит так надо. Он доверял мне и это доверие играло на него. Я никогда не отсутствовал, когда речь шла о чем-то важном – ключевых встречах, переговорах и выступлениях. Когда для определенной речи хватало просто симпатичной огранки – ею занимались другие. Это освобождало мне время для более важных дел. Как, например, в этот день. 9 февраля для меня важнее быть в поезде, идущем в Южном направлении. Туда куда я еду, Марк прилетит только через две недели. Время есть, его более чем достаточно.

Обычно, я прибывал на место будущего визита президента дней за пять-шесть. Я завел это за правило. Прежде чем руководитель этой большой страны, моей Родины, скажет что-то находясь в определенном месте, нужно понимать, что это за место! Его традиции, историю, образ жизни и мыслей местного населения. Но, главное – нужно понимать, что беспокоит людей. Речь должна быть идеальна. Даже если она, никоим образом не касается болевых точек, то или иное слово может слегка зацепить ненужные в данной композиции струны, и эту фальшь услышат! Услышат те, кто слушает внимательно и каждую ноту сверяет с камертоном. Фальшь может резануть ухо даже неискушенного слушателя. Он до конца не поймет, что ему не понравилось. Но ведь не понравилось – и это будет главным!

Оппозиционные политтехнологи, психологи, эксперты всех мастей – это одно. Простой народ – совсем другое! Он может пропустить неосторожное слово мимо ушей тысячу раз, даже если его столько же раз хором напомним вся «пятая колонна». Но на тысячу первый он может услышать и за это слово спросить. Мало кто знает, но спичками для розжига костра французской революции стала, всего лишь, глупость из уст правителя. Мария Антуанетта как-то ляпнула, что её подданные вместо хлеба, которого нет, вполне могли бы есть пирожные! Пример, конечно, грубый, но в целом, механизм за столетия не поменялся.

Потому, я всегда сканировал, как экономическое, так и социокультурное поле, прежде чем написать хоть слово. Если для этого нужно было ехать на край света – я ехал. В этой командировке острой необходимости не было. Желательно, но необязательно. Однако, она была нужна мне. Грядущий визит Марка вписывался в мой план, как нельзя лучше. Потому, нужно было правильно подготовить почву. Чтобы вода побежала к нужному семени, чтобы то со временем проросло, окрепло и дало нужные плоды. Далеко не всё зависит от посадочного материала. И это правило действует не только в ботанике.

Вообще, человек очень похож на растение. В принципе, похож на всё живое на этой планете, потому что тоже живой. А значит, сознание формируется согласно тому же алгоритму что и, к примеру, карликовое дерево. Видели бонсай? Издевательство над природой, не так ли? Ветвям не дают вырасти, столбу стать достаточно толстым и так далее. Всё искусственно. Природой этого не заложено. Точно так же и с человеком. Нас столетиями выращивали в невидимой клетке. Её прутья настолько врезались в нашу плоть, что уже стали неотделимы. Только хирургический метод! Только операция! Возможно, это будет больно. Возможно, не подействует ни один наркоз. Но после процедуры с заграничной болью можно будет увидеть мир по-новому. Увидеть удаленные, безжалостным, но, в тоже время, добрым доктором, инородные элементы и удивиться, как ты прожил с этим в своей плоти столько лет? Понимаете о чём я?

Вспомните детство. Подавляющее большинство людей на земле считают эту пору самой счастливой в своей жизни. Почти никто не задумывается почему. Почти никто не ищет причин этого счастья. Просто, тогда было хорошо, лучше, чем сейчас. И вот тут уместен вопрос «почему?» Если прикинуть, что было и чего не было тогда и что есть, но не дает быть счастливым сейчас?

В шесть-семь лет у нас был весь Мир. А чего у нас не было? У нас не было денег. Не было, ни в материальной плоскости, а в нашем сознании. У нас был Мир, и мы не думали, что его нужно покупать. А нужно ли? Кто решил, что наш общий дом выставлен на продажу? Он наш по праву наследства! Так, почему одни представители одного вида должны платить другим представителям того же вида за то, на что у них равные права? Сейчас вы можете подумать, что это слова неудачника, который завидует более успешному соседу. Что у того большой дом с охраной, красотка жена, не менее эффектная любовница, крутая тачка, яхта, дача в Испании, и под сотню миллионов на личном счету на мелкие и не очень мелкие расходы. А у неудачника лишь дерьмовая копеечная работа, коммуналка, и заляпанный белой биомассой порножурнал. Возможно, это было бы самым простым объяснением. Но всё несколько иначе.

Дело в том, что больше половины всех мировых ресурсов и, само собой, больше половины всех финансовых активов сосредоточены у одного процента населения нашей планеты. И самое интересное, что этот один процент наращивает свой капитал, год от года, всё больше и больше. За счёт кого? За счёт более слабых, то есть более бедных. Есть тысячи схем как, имея состояние, буквально из воздуха, ничего не производя, сделать второе состояние. После – третье и так далее.

Самый простой пример – банковский продукт. Это, ведь, и не продукт вовсе. Это деньги, которые работают ради денег. Положи на год миллиард и получишь миллиард с процентами. Займи миллион и отдай миллион с процентами. Если упростить схему до невозможного, то получается, что человек вынужденный занимать отдает заем, а проценты идут в карман банкирам и более богатому клиенту – вкладчику. Деньги из денег, то есть из «ничего». «Дайте мне пистолет, и я ограблю банк. Дайте мне банк, и я ограблю весь Мир». Это очень точная цитата для описания сущности одного из институтов по разработке и установке на поток одной из невидимых клеток. А почему люди сами в них лезут? Потому, что все дороги, так или иначе, ведут именно к загонам. Лишь в детстве мы свободны от пагубного влияния современного «Бога с водяными знаками».

Лишь в детстве мы справедливо не понимаем, отчего родные нам люди целыми днями пропадают на работе вместо того, чтобы дарить нам своё тепло? Почему в магазине мы не можем взять всё то, что нравится, ведь это производят для нас? Почему умерла соседская девочка, хотя ее заболевание врачи лечить умеют? Просто у родителей не было достаточно денег. Но разве они не хотели её спасти? Разве сама четырехлетняя девчушка не хотела жить дальше, вырасти, влюбиться, самой стать мамой и любить уже своих детей? Кто сможет дать внятные ответы на эти вопросы?

Это вопросы детские, но они самые правильные. Взрослые разучились их задавать. Разве, что в минуты крайнего отчаяния. Зато, научились отвечать многозначительное «потому что»... Но, ребенка этот ответ вряд ли устроит. Точно так же как и меня. Именно поэтому я еду на самом обычном поезде на Юг самой большой страны в самый обычный город, чтобы узнать о его самых обычных бедах и самых трагических судьбах. Я довольно долго писал Марку «одну правду». Он её принял, потому, что это было легко. Настало время мягко подтолкнуть к «правде другой», которая находится по ту сторону больших денег. Это не заговор против президента. Это путь в кабинет к тому брутальному хирургу, который ржавыми пассатижами удаляет колючую проволоку, которой окутали наше сознание демоны, состоящие на службе и довольствию у Всемирного эквивалента несправедливости.

Вы, наверное, уже давно хотите спросить – причём тут «старина Альфред», который во всём виноват? Да, притом! Вся современная экономика и есть «Альфред». Он так затуманивает наш разум, что мы отказываемся видеть реальные ценности, предпочитая замещать их подложными, вбитыми нам в головы безжалостными палачами. Нас посадили на цепь уже давно. И с каждым годом эта цепь становится всё короче. Мы как щенки, которые родились в будке, видевшие только её стены, трехметровую кладку кирпичного забора, да хозяйский дом. Белый или красный – неважно. И мы знаем, что добрый хозяин утром и вечером нальет в миску помоев, энергии от которых хватит, чтобы дожить лишь до следующей пайки. А если удачи будет достаточно, чтобы спугнуть вора, позарившегося на хозяйское добро – добрый господин будет доволен, погладит, а возможно, даже наденет новый, красивый ошейник! Вот другие шавки обзавидуются! А если, вдруг, миска будет пустовать день-другой, так на то, несомненно, есть объективные причины. Экономический кризис, какой-нибудь. Ведь им всегда очень удобно маскировать всё что угодно. Этот соус подходит к любому блюду! Ну, а дворянка потерпит. Куда она денется? Ну, конечно, есть небольшая вероятность, что удавится на своей же цепи, пытаясь понять – какова жизнь там, за кирпичным забором? Может, там тоже есть миска, да ещё и не пустая?

Вся прелесть в том, что цепь есть у каждого, только длинна разная. Разная и пайка. И этой пайки лишиться боятся абсолютно все. Все боятся быть выдернутыми из своей зоны комфорта, оторванными от того, к чему так привыкли. И на этом можно играть, словно на арфе. Затрагивая то по одной струне, то проходясь, в одном порыве, сразу по всем. Но к каждому цепному псу нужно подобрать свою мелодию. Одну из новых мне придется разучить в ближайшую неделю. Ноты произведения под названием Макс Мосин у меня с собой.

10 февраля

Макс открыл глаза, буквально, за секунду до того как будильник жалобно пискнул, сигнализирував хозяину о том, что пресловутые 8:00 уже наступили. В этот день владелец нехитрого, но, вместе с тем, дорогого творения мудрых и продвинутых японцев, не преминувших заработать на тяге зажавшихся европейцев к хай-тек дизайну, никуда не спешил. Сейчас он не спешил даже предотвратить второй, более громкий писк электронного устройства, который должен был раздаться меньше чем через минуту, если не нажать на кнопку, извещающую нехитрый цифровой мозг о том, что человек проснулся. Макс прекрасно понимал, что через несколько десятков секунд будильник зазвонит вновь. Однако, это было нужно, чтобы не человек, а безжалостный механизм, не имеющий ни стыда, ни совести, всё-таки разбудил спящую рядом девушку, и как бы намекнул, мол – уже утро! А значит, пора и четь знать, собираться и ехать восвояси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.